

ОРКЕСТР

Оркестр сбиол. Молодые карьеристы Петя, Вася, Коля на альтах рвали вперед, никого не слушая. Соревновались с дирижером, кто кого. Вера, Надежда, Любовь презрительно дергали струны скрипок, демонстративно выдерживая темп. Шишечки на их макушках устремлены в зенит. Толстый Федор высвистывал что-то любово-страстное и мало относящееся к делу, плотоядно поглядывая на новенькую. Та запоролась по всем статьям. Стучала невразумительно и не в такт, так что чуткое ухо дирижера дергалось, когда большая мягкая колотушка в самое неожиданное время обрушивалась на потертую кожу ко всему привычных литавр. Только прима, гранд-дама оркестра, была, как всегда, на высоте. Установив огромную виолончель меж обтянутых платьем мужских коленей, она вела свою партию умно, саркастично, как обычно выше всяческих похвал. И как с восхищением заметил Аристарх Иванович, в нужных местах подсказывала новенькой. Если бы эта кукушка способна была слышать.

— Достаточно! — Аристарх Иванович постучал палочкой о пюпитр, потер истерзанные уши. — Ни к черту!

Вера, Надежда, Любовь синхронно передернули худенькими плечами с подложенными подплечниками, фи!

— Репетицию переносим на вечер. Начало в шесть. Не опаздывать. Всем спасибо. Майя Иосифовна, вам отдельное спасибо.

Он пожал руку привставшей гранд-даме.

— Че так поздно, в шесть? — заныл Федор. — Пожрать не успеем.

Скрипачки опять передернули плечиками, но снова промолчали. Петя, Вася, Коля посмотрели на часы, сначала на свои, потом ревниво друг у друга.

— Не волнуйтесь, Федор, — отечески успокоил Аристарх Иванович. — Успеете. Ресторан в гостинице до часу ночи работает. Уложимся.

Федор пошлепал пухлыми губами и хотел сказать: ага, уложимся, а вот в тот раз...

Но тут дело приняло другой оборот:

— Нашу новенькую, уважаемую Марусеньку, поздравляем с первой репетицией и надеемся сыгратья. Все свободны.

И пошел к выходу из зала, легко помахивая папочкой, чертыхаясь в душе и клня знакомого, подсунувшего ему эту уважаемую Марусеньку.

Федор, остановив шлепанье губ, подобрал пузо и подступил к Марусе.

— Уважаемая Маруся, — сказал он, понизив голос и поигрывая раздерганными бровями. — В нашем небольшом, но оч-чень творческом коллэктиве существует, так сказать, традиция. Обязательно отмечать первую репетицию в ресторане. Посему, — он еще понизил голос и поцеловал ей ручку, в которой она до сих пор держала колотушку, — я вас приглашаю.

Марусе не понравилось его поигрывание бровями и совсем не понравилось смачное чмокание руки толстыми губами, и она беспокойно заоглядывалась по сторонам.

Худосочные скрипачки уже встали, отряхнули шелковые платья и укладывали скрипки в футляры, преувеличенно усердно не видя терпящую бедствие Марусю. За ними молодые карьеристы Петя, Вася, Коля, ревностно поглядывая друг на друга, мерились смычками. С другой стороны, посверкивая зачесанными лысынами и поблескивая затертыми брюками, Петр Иванович, Николай Семенович, Василий Спиридонович равнодушно толкали изящные тельца скрипок в обшарпанные футляры. Помощи ждать было неоткуда.

И тут как гром с неба раздался бас примы:

— Федор, пшел вон!

— Че? — привычно заныл Федор.

— Через плечо. Жене скажу.

Федор отступил, ворча как обиженный пес. Маруся благодарно обернулась. Гранд-дама дымилла непонятно откуда взявшейся сигареткой, щуря один глаз:

— Гони его, Маруська, лопатой. Традиции он блюдет. Блюдильщик.

Вокруг засмеялись. Маруся неожиданно увидела, что все, кто минуту назад истово укладывались и решительно ничего не замечали, принимают самое живое участие в происходящем, покатываются от хохота, хлопают по плечу незадачливого Федора и на все лады повторяют слова гранд-дамы.

Маруся покраснела, невнятно пробормотала «дсданья» и вышла из зала, так и не выпустив из руки колотушку, чем вызвала новый взрыв хохота небольшого, но очень творческого коллектива.

— Прально, Маруся, колотушка не хуже лопаты!

Смеялись скрипачки, смеялся и Федор, растянув добродушные губы и поглаживая свой фагот.

После вечерней репетиции, которая началась традиционным опозданием гранд-дамы и закончилась, когда закрылись все рестораны, Аристарх сидел в своем номере и держался за голову. Положение было отчаянным. Оставались три репетиции до провала.

Он с отвращением вспомнил свой дрожащий на репетиции от ненависти голос. Посидел еще, задумчиво провел пальцем по губам:

— Плюм!

Пристукнул кулаком по оттопыренной щеке: бум!

И опять: плюм! бум! плюм! бум!

И дальше детское:

*Мама напе сшила брюки,
Папа брюки пу-терял,
пути-пути,
путерял!
Плям-бум, плям-бум!*

Рассветало, выхода не было. Престижный международный имени блаблабла конкурс обещал быть грандиозным провалом орденосного, заслуженного и триж-

ды блаблабла коллектива, под руководством молодого, но талантливоего дирижера. И должен был похоронить под собой его молодые амбициозные надежды и чаяния.

Аристарх Иванович измучился, исписал и изодрал сто бумажек, пересадил оркестрантов мысленно на сто раз, поменял всем инструменты, выгнал, намахался до одури палочкой и сдался.

Открыл скрипнувшую дверь, сложился на балконный стульчик, уронил голову на перила и выбросил руки за борт. Руки чуть колыхало забортным ветром. Беспомощно болталась в правой руке ненужная дирижерская палочка. Аристарх пристроил голову поудобней виском на холодненькое и высунул язык.

А вокруг была весна. И вставало солнце, щебетали птички, зеленела упругая травка, перемещались по каким-то сложным правилам и траекториям медленные коты в гостиничном дворике.

И открылась с гулким скрипом дверь соседнего балкона, вывалился оттуда пузатый Федор в подштанниках, обернулся в проем, хохотнул, что-то гулко и невнятно произнес.

Аристарх встрепенулся, приподнял голову, хотел поздороваться с соседом, но вдруг понял, что балкон этот не Федора, и номер не Федора, и никакого права рассекать там в подштанниках он не имеет. При распределении номеров Федор бессовестно ныл и просился под совершенно нелепыми предложениями заселиться поближе к Марусе. И теперь его номер абсолютно точно выходил на другую сторону дома.

Аристарх прижался плотнее к перилам и руки подобрал внутрь. Только палочка застряла поперек прутьев и торчала как шесток для голубей.

Федор огляделся туда-сюда воровато, достал из-под перил пачку сигарет и прикурил в кулаке, шлепая пухлыми губами.

— Зайди, окаянный! — громыкнуло из открытой двери, четко и внятно, не смотря на всю гулкость дворика.

«Мая», — ошалел Аристарх Иванович и, мысленно раскинув номера по оркестрантам, подтвердился: Мая.

«Ого!» — подумал Аристарх. Четче мысль не формулировалась: ого, Мая Иосифовна!

Дальше его глаза скользнули по перемещающимся по правилам го* кошкам, трепетной листве, солнышку. И остановились на птичках.

«Ого», — еще раз осмыслил и подхватил он мысль, не обращая уже никакого внимания на Федора, отмахнувшего дым и нырнувшего внутрь, и вообще больше ни на кого не обращая внимания. Палочка закрутилась, поочередно указывая на все перечисленные предметы, задавая ритм, обозначая темп, сплетая солнечные лучи и тени в только ему слышную мелодию, пальцы стучались о прутья, было, должно быть, больно, но Аристарх не чувствовал.

На следующей репетиции, собрав свой невыспавшийся коллектив и дождавшись благостно зевающей гранд-дамы, Аристарх Иванович повел себя странно. Он толкнул речь. Народ прислушался. Молодой дирижер обычно речей не произносил.

— К победе в конкурсе мы должны прийти любой ценой. Потому что мы лучшие. Народ поморщился. Что за ненужный пафос, хотя да, мы, конечно, лучшие.

— И мы придем. Поэтому каждому, помимо репетиций, — индивидуальные задания.

Народ насторожился: еще чего не хватало. Аристарх пошел по рядам.

Вере, Надежде и Любви выдал по одинаковой книжице с обложкой без надписей, велел прочитать и вникнуть у себя в номере. Скрипя корсетами, испуган-

---

* Го — логическая настольная игра, возникшая в Древнем Китае.

ные, подозревающие, что в книжке дирижер собрал все недочеты их исполнения, скрипачки неловко упрятали книжки за спины.

Майе Иосифовне, карьеристам-альтам, потертым вторым скрипкам вручил заклеенные по краю белые плотные конверты. Майя тут же сказала:

— Божечки, никак обручальное кольцо?

Маруся покраснела и уронила колотушку.

Аристарх вздрогнул, обернулся, улыбнулся светлой обаятельной мальчишеской улыбкой, мазнул рукой по волосам и сказал:

— Маруся, с вами буду заниматься лично и индивидуально. Приходите сегодня в восемь ко мне.

Скандализованный народ ахнул. Федор покривился. Майя усмехнулась. Маруся уронила только что подобранную колотушку и слабо кивнула зарозовевшими завитками белой макушки.

Аристарх взмахнул палочкой и понеслось.

Дирижер слышал в оркестре все, чем каждый дышал. Как вразнос стучит в литавры свежевлюбленное Марусино сердце. Как томно звучит сегодня обласканная виолончель. Как заспешили толстые губы Федора, почувствовав приближающийся обед. Как полны нерастроченной страсти скрипки, поддерживая друг друга, забираясь все выше и достигая вселенской тоски. Как бравурны вторые скрипки, чья команда выиграла ночью в первой лиге. Как виртуозно один другого лучше запиливают альты. Все по отдельности было прекрасно, все вместе — невыносимо. До провала осталось две репетиции, одна из которых генеральная.

А после репетиции в номерах оркестрантов произошло вот что.

Картина первая.

Возмущенная Вера с раскрытой книжкой в руках шествовала по коридору к Любви, где и наткнулась на взбешенную Любовь, шествовавшую к разъяренной Надежде.

— Да что он себе позволяет? — пришли они к общему мнению, сидя в узком номере-фуляричке Надежды. Книжки оказались переплетенными сборниками адресов ресторанов, рекламок и ресторанных меню славного города, в который их и занесло международным фестивалем.

— Что это еще такое? С ума он сбрендил, юное дарование? Какие стейки, какие крем-супы, что за винная карта, я вообще не пью!

— Это просто хамство и дерзость! Вы только посмотрите: Дорадо по-сицилийски, дальневосточный лосось с еловой сметаной, вино Розе д'Анжу ля Жаглери, что это?? Что?

— О, Розе д'Анжу, девочки, — хихикнула вдруг самая старшая и самая строгая Надежда. — А как-то я такое пробовала, неплохо.

Вера удивленно на нее посмотрела, скривив глаз как под лорнет, но неожиданно оттаяла. — Точно, Надюшка, мы здесь как-то уже фестивалили, давно-давно это было, мы только начинали.

А самая молодая из девочек, Люба, пробормотала скороговоркой:

— Девочки, а я бы от вкусенького лососика не отказалась сейчас... с вишшкой.

— А пойдем и сходим в ресторан, назолю этому Аристаршику, чтоб ему. — И они увлеченно зашуршали страницами, сталкиваясь шишками на чуть взъерошенных уже прическах.

— Вот-вот, смотри, Верочка, вот в этот мы тогда ресторанчик бегали, тут недалеко, твой еще тогда нас всех так шикарно приглашал.

И скульпы Веры затеплели, будто только что пригласил ее светловолосый курчавый Вася, надежда знаменитого оркестра. Девочки заподталкивали ее под бока, заподсмеивались, хриловато-смушенно заподшучивались.

Картина вторая.

Общий номер альтистов-карьеристов, не заслуживших еще номеров отдельных.

— Что это наши змеи там расшуршались за стенкой? — иронично прислушался Петя.

— Да брось, нормальные тетки, — возразил из вечного чувства противоречия Вася, думавший, впрочем, точно так же.

— Да какой там нормальные? Отличные, замечательные женщины, — накалил, сам себе не веря, Коля.

— Змеи, — подытожил Петя, чтобы остаться первым.

— Тетки, — не сдался Вася.

— Милые женщины, — подкинул хворосту Коля.

Какое-то время они разворачивали друг перед другом белоснежные манишки и сжимали бледно-розовые кулаки, но как-то так аккуратно, чтоб не дай бог не отскочили пуговицы и не перенапряглись тонкие пальцы.

Когда дальше должно было последовать мордобитие, которого не могло быть в принципе, самый находчивый Петя заметил белые конверты, позабыто лежащие на гостиничном низком столике, зажатом в их тесно напирющий круг:

— О, надо посмотреть, что нам Аристаршик приготовил.

— Я уже почти посмотрел, — подхватил самый сообразительный Вася.

— Открываем, — погасил начинавший становиться опасным костер самый разумный, Коля.

— Мда, — согласились все трое. В конвертах лежали одинаково яркие, чуть загибающиеся краями вверх билеты в местный пейнтбольный клуб.

— Ку-ку, парень, — сказал самый прямолинейный Петя.

Возражений не было.

Альтисты покрутили билеты, надеясь найти пояснительные знаки на обороте. На обороте была обозначена цена. Цена скромно пока получающих альтистов впечатлила.

— Не думает же он, что мы всерьез потащимся туда? — задумчиво проговорил Петя.

— Да куда захотим, туда и пойдем, совершеннолетние, — подвинул Вася.

— Да хоть сейчас, вместо того чтоб пилить, пусть завалит конкурс, бездарь, — загорячился Коля.

Петя сообразив, что инициатива уходит из рук, рванулся к шкафу, по пути сдирая с себя манишку. Вася рванул следом. У шкафа образовался затор, водоворот и толчея.

Спустя пятнадцать минут стройные пригожие парни в гражданском пропихнулись в узкий выход гостиничного номера и вывалились в коридор. У Пети горело красным ухо, у Васи чуть примят нос, у Коли сбоку вздыбился вихор.

Плечом к плечу альтисты рванули на выход.

Картина третья.

Маруся стояла под дверью Аристарха Ивановича в своем выпускном, светленьком в темный горошек, платье и боялась постучать. Первый раз подняла она руку, опустила, устыдившись нетронутой белизны двери. Второй раз подняла, поднесла, опустила. И в третий раз, как в сказке, Маруся подняла непослушную руку и подвела ее близко-близко к сверкающему глянцу двери. И не стукнула, дверь распахнулась, и на пороге показался добрый молодец. Заходящее солнце из кори-

дального окна кинулось ему навстречу и остолбенело. Аристарх был великолепен. В белом, спорящем элегантностью с полотном двери костюме, с зачесанными вверх пшеничными волосами, рекламной улыбкой на миллион долларов.

Марусино сердце простучало без запинок всю концертную партию, только в значительно ускоренном варианте. Чуткий Аристарх уловил. Щелкнул довольно пальцами, выкинул руку вперед, голову бросил вниз:

— Добрый вечер, Марусенька.

— Я, я пришла заниматься, — пробормотала Марусенька, которая в этот момент решительно неспособна была ни к каким занятиям, и если бы шагнула, то непременно рухнула к ногам сногшибательного Аристарха.

— Так пойдемте заниматься, — Аристарх сам шагнул к ней, закрыл за собой дверь и, подхватив Марусю за локоток, что было просто необходимо, повлек ее к лифту.

На воздухе он объявил программу индивидуальных занятий на вечер. Легкий ужин на берегу, шампанское и прогулка по незнакомому еще Марусе городу.

На набережной пластами лежали последние отсветы заката, в них вплетались одиночными точками разгорающиеся фонари. Шелест разговоров проходящих пар, медленный прибой, каблучки, еле слышные крылья белых мотыльков, пшеничные волосы, белый костюм, тонкие пальцы, Аристарх вел эту партию. И музыка бурлила, бесчинствовала, затихала, снова вскипала в Марусе и наконец растворила Марусю в себе.

Поздно вечером уставший дирижер проводил Марусю до номера, галантно кивнул и, не успевшая она возмечтать о поцелуе, повернулся уходить. Маруся по инерции затворила дверь и, неожиданно испугавшись разлуки, откинула дверь с дороги, метнулась в коридор, чтобы увидеть его удаляющуюся навеки любимую спину. От темной стены на нее качнулся Федор:

— Что, нагулялись? Наивный розовый бутончик с колотушкой, думаешь, нужна ему? — в любовном прозрении шипел Федор. — Специально тебе голову крутит, чтоб послушной была, в оркестре не портачила, вторила ему. Эх, ты, отвергла Федора, а Федор к тебе всем сердцем.

Федор шатнулся к ней, будто наваливаясь.

Маруся пискнула, отстранилась и с размаху хлопнула дверью перед его красным носом и губами трубочкой, прилагавшимися к отвергнутому сердцу. Федор икнул и ушел, пнув напоследок белую невинную дверь.

Аристарх постучал в дверь соседнего со своим номера.

— Майя... — рокотнул он приглушенно и страстно как голубь.

Майя немедленно открыла, будто ждала кого. Аристарх изготовил яркую улыбку, ослепительные глаза и даже будто придал цвета волосам.

— Майя, — почти прошептал он, — вам нужны индивидуальные занятия?

И, подтянув мускул нижнего левого века, подмигнул.

— О-ой, — сказала Майя Иосифовна, прижимая руку туда, где под махровым халатом и обширной грудью должно было быть сердце. — О-ой, Аристрах, то есть Аристарх Иванович, давайте без этого, я уже-таки поняла сверхзадачу.

И дверь закрылась.

Аристарх засмеялся открыто и нежно, щелкнул каблучками и пошел, все еще посмеиваясь, к себе, ощущая, что немного-таки влюблен в гранд-даму, приму его любимого оркестра.

Пока Аристарх спал и видел во сне хлеб, деревню и бабушку, произошло вот что.

Вышедшие из гостиницы скрипачки до ресторана не дошли. Они отвыкли от ресторанной атмосферы, страшно конфузились, но, подбадривая друг друга,

прошли квартал и скисли. Может, не пойдем, подумала Любовь. Может, просто погуляем, подумала Вера.

— О, ирландский паб, — не думая, сказала Надежда. — Может, зайдём сюда? До ресторана ещё тащиться и тащиться.

— Да, пожалуй, в ресторан в следующий раз, — как бы задумчиво отозвалась Любовь.

Вера уже тянула на себя тяжеленную дубовую дверь.

А в пабе было отлично: официантка разносила пинтовые кружки, было шумно, пахло пивом, деревом, мясом, от хмельного запаха щекотало под языком. Играла музыка, отстукивал деревянными каблуками на небольшой круглой сцене, напоми-навшей приступочку, краснолицый парняга, так жарко подмигнувший и поднявший за здоровье вновь вошедших, что зарделись скулы не только у впечатлительной Верочки, но и у Любы и Наденьки.

Второй парняга, брат-близнец отплясывающего, ловко подхватил их, повлек, обмахнул стол, подвинул стул, и все это так приветливо и пылко, что наши девушки невольно обмякли, расслабились и отдались царящему здесь духу.

А Петя, Вася, Коля сражались. И было уже не до шуток. Сначала они хотели резануться в пейнтбол на троих, каждый сам за себя, и в живых останется только один, но хозяйка клуба, черноволосяя приветливая девушка с глазами-револьвера-ми, мягко объяснила: нет, синьоры, сейчас только отрядное сражение, трое на трое, вот и ребята как раз готовы. Трое ребят живо напомнили Пете корриду, виденную им однажды, причем походили они вовсе не на тореадоров.

— Отлично, — чуть дрогнувшим голосом сказал Вася, потом проглотил адамово яблоко, поперхнулся, но уже твердо произнес: — Мы принимаем бой.

Коля хотел по привычке что-то добавить, но не смог.

Битва была всерьез. Хозяйка взяла наших на слабо и предложила бой без дураков, не какой-нибудь девчачий лазертаг*, а настоящий мужской пейнтбол. Петя поклат тяжёлый шарик на ладони и сказал, что именно об этом они и мечтали. Хозяйка отвернулась и спрятала усмешку в кулак.

Парни погибали. Троица нетореадоров раскатывала их в блин и пыталась доесть.

— Пристрели меня, командир, — прохрипел Вася, а Коля и хрипеть уже не мог, только смотрел жалобно, словно прощаясь. Петя понял: вот оно наконец пришло долгожданное лидерство. Петя несколько секунд повзвешивал его, пытаясь понять, а нужно ли оно ему. Но прилетевший снаряд больно разорвался на предплечье, оставив на нем шеврон командира, и Петя заорал:

— Вперед, мужики! Дадим им... жару! (сказал немного не так, но не важно) — и пошел в атаку.

Вася поддержал массивованным огнем. Коля подбинтовал раненого. Бой покотился по нашим правилам.

Все шло, как задумал Аристарх Иванович. Потом Пете засветили в лоб. В шею и поддых. Вася подвернул неумелую руку. Коля закричал тонко и страшно:

— Ааа!!! Наших бьют! — и рванул на рожон, где и был сражен.

Поскуливая, еле живые, сожранные все же местными профессионалами, вернулись в гостиницу, забыв потолкаться кто вперед в дверях. Упали на кровати, было больно.

К утру распухло все, что хотя бы теоретически могло распухнуть. Васек с ужасом смотрел на дрожащую ведущую руку, она отказывалась лезть в родную манжету. Петро, прижимая к черному глазу бесполезный медяк, кряхтя сползал

---

* Лазертаг, или лазерный бой — высокотехнологичная игра, происходящая в реальном времени и пространстве, состоящая в поражении игроков-противников безопасными лазерными выстрелами из бластера-автомата.

под кровать к чемодану, вытащил эластичный бинт. Николая, унимая пляшущие руки, забинтовал Ваську запястье.

Все трое померили по очереди температуру и поковыляли, поддерживая друг друга на поворотах, в репетиционный зал прославленной гостиницы. С трудом вскарабкались на стулья.

Впереди, охая и повиливая спинами, опустились похмельные скрипачки.

Петруша поднял черно-сизый глаз и сквозь щелочку увидел, как в дверь бочком пробралась Маруся, завесившая челкой глаза красные. Федор отвернулся, прикусил и зажевал нижнюю пухлую губу.

Маруся идти на генеральную репетицию не собиралась вовсе.

Утром распухшая Маруся сидела на краю ванны и жалела себя. Через полчаса была генеральная репетиция, на которую несчастная Маруся идти не собиралась. Сложенный новенький чемодан стоял посреди комнаты. Маруся складывала его и раскладывала третий раз.

В дверь постучали. Маруся вздрогнула: Аристарх, решила она, или Федор, нахмурилась она. Подошла к дверям и молчала.

— Мар-руся, детка, открой, это Майя, — раскатисто разнеслось из-за двери.

Маруся открыла, шмыгнув носом, старательно свешивая челку на зарезанные детские глаза. Майя Иосифовна ввалилась в прихожую, заметила сразу и глаза, и нос, и чемодан, и сделала вид, что не заметила.

— Маруся, детка, я ж к тебе по-соседски. За солью.

— Что? — не поняла ночь не спавшая Маруся.

— За солью, шутка такая веселая, — объяснила Майя Иосифовна. — Да нет, мне, Марусенька, средство надо такое, которым волосы ликвидируют правильные женщины, чтоб от обезьян отличаться. В лучшую, конечно же, сторону. Есть?

— Есть, — Маруся ничего не поняла, но коробочку достала на автомате. — Тут полоски восковы, Майя Иосифовна, прикладываете и дергаете.

— О, приложить и дернуть — это именно то, что мне сейчас надо, — как-то чересчур бурно возрадовалась Майя. — Спасибо, Маруся, большое человеческое, ты — отличный человек. Маруся, я рада, что ты пришла в оркестр, честно.

И пожалала ничего не понимающей Марусе руку.

Маруся еще пошмыгала и поняла, что подвести Майю Иосифовну не может, и, попудрив все, что выдавало, повлеклась на генеральную репетицию как на плаху.

В сне Аристарха бабушка вынимала душистый хлеб из печки. Аристарх повел носом, заворочался, но не проснулся.

Майя Иосифовна, не поднимая головы, настраивала инструмент. Перебирала струны, подкручивала колки и опять перебирала. Оркестранты ежились, исподволь разглядывая друг друга разномастными глазами. Не было еще вторых скрипок, и Люба с Надей с удивлением, прокравшившись в гулкие головы, обнаружили, что Вера, их точная до педантизма Вера, тоже опаздывает. Дверь в очередной раз открылась, пропустив новую порцию замечательных наших музыкантов. Веру, у которой румянец со вчерашнего дня прописался на скулах решительно и прочно, и Василия Спиридоновича. Люба с Надей переглянулись, интерес мгновенной вспышкой выжег остаточный хмель: ого, на скулах Василия поселился такой же румянец. Словно Вера разделила его на двоих. Скрипачки вперили задумчивый взгляд друг в друга, и потекла, явственно потекла одна от другой мысль, когда же они потеряли Веру.

Вчера был в разгаре вечер, и пиво было совсем некрепким, плотно прижатым пеной, а ноги сами пускались в пляс. И Вера, и Надя отплясывали с парнем в зеленом колпачке, очень одобрительно им подмигивавшим и подстукивавшим деревянными башмаками. Любовь почему-то встать уже не хотела и отбивала такт неустанными хлопками. Вокруг них весело кучковались люди, подпевали и смеялись бойким танцорам.

И тут случилось вот что...

Вторые скрипки не открыли конверты, которые им вручил Аристарх Иванович. Просто лень. Василий Спиридонович вяло пошуршал конвертом не распечатывая, не деньги, и бросил на гостиничный столик, где валялись два других. Вторые скрипки, так и не заслужившие отдельный номер, валялись вокруг на кроватях. Петр Иванович подцепил с кровати газетку, листнул, зевнул, прочитал, какие команды играют в ближайшее время, ничего интересного, не вдохновило, бросил.

Николай Семенович потянулся, подхватил газетку с кровати коллеги, просмотрел ту же колонку и даже не скривился, лень.

Василий Спиридонович стоял у окна, широко упершись руками в подоконник, и смотрел, не видя, в чистое, прозрачное до ненашесть стекло.

За стеклом было все одно и то ж, но вдруг вечерний луч так скользнул по крыше и попал (а может слегка взбудоражил сегодня Аристарх с Марусей), что какое-то узнавание вдруг померещилось Василию Спиридоновичу. Он перехватил руки, уперся поудобней, поморгал, вытянул шею, словно пытаясь заглянуть за угол. Потом потянулся за лучом, прояснился лицом и, повернувшись в комнату, словно добавил света в полутемноту узкого гостиничного неуютя.

— Слушайте, мужики, мы тут останавливались уже, в этом самом номере, сто лет назад.

— Ну? — Николай Семенович чуть приподнялся на локте, мутно посмотрел вокруг. — И что? Мы полжизни кочуем, все одно, все едино.

Но Петр Иванович, чуть шустрее мозгами, а может слишком уж ему светило лицо Василия Спиридоновича, неожиданно для себя брякнул:

— Точно, помню. Василий у нас такую феерию устроил тогда!

— Чего-чего? — забубнил Василий, но щеки его затеплели, чего-чего — он понял.

Николай Семенович, мозгами потуже, не понял:

— Что устроил?

— Любовь, — торжественно произнес Петр Иванович и заржал как школьник-переросток.

— По шее двину, — серьезно сказал Василий.

— Ну-ну? — воодушевился Николай Семенович, любовь — это было интересно, ничего похожего в программе не было. — Да-да, что-то припоминаю, Василий наш кипятком тогда брызгал, чуть не женился совсем.

— По башке настучу, — неуверенно сказал Василий. — Кончайте, мужики.

Но мужики только начали, поднялись с пролежанных мест, замахали руками, зареготали.

Василий краснел, отбивался и наконец попытался зажать голову особо отчаянного говоруна Петра Ивановича под мышкой.

— Не того зажимаешь, — пошутил Николай Семенович, у которого с юмором было совсем туго.

Петр Иванович хрюкал с повизгиванием и щекотался седоватой шевелюрой:

— Верочку напоминаю чем-то?

Василий оттолкнул его с неожиданно возникшей брезгливостью, махнул рукой, словно отряхиваясь от неприятного прикосновения, схватил со стойки шляпу.

— Куда? Куда? — закудахтали Николай с Петром. — К своей? А подружки у нее есть? Познакомь!

Василий полетел вниз по лестнице, и с каждым шагом будто сильней натягивалась веревочка, связывающая его с прошлым, с Верой, и на последней ступеньке натянулась так, что Василий споткнулся и упал.

Петр и Николай, выскочившие следом из номера, заготовили как два гуся:

— Полетел, голубь наш. На крылах любви, га, га, га.

Но Василий не вставал, и мужики сбежали к нему, заперевали:

— Васька, ты чего? Вставай, вставай, как тебя любовь-то шандарахнула, пфф, — облегченно фыркнул Петр, увидев, что Василий сел, потирая лоб. — Живой, живой.

— Долбанутый только, — метко пошутил Николай Семенович.

Глаза Василия встали на место, он ухватился за предложенную руку и, сердито дернув, поднялся.

— Ладно, хватит, — продвинул ситуацию к миру шустрый Петр. — Переборщили немного. Тут пивнушка есть недалеко, пошли по кружке мира пропустим? — и хлопнул Василия по плечу.

Василий дернул плечом как кот, зашипел, но как-то сдавая уже позиции.

— Пошли, — хлопнул его Николай по второму плечу. — Прогуляемся заодно. Засиделись совсем с этим чертовым Аристархом. А нам не до него, любовь у нас, пф-ф-ф-хе, да, все-все, Василий, ну чего ты? Как конь копытом бьешь.

Вторые вышли на воздух, хапнули разгоряченными глотками морской вечерней свежести и пошли, гутаря и погагакивая.

У Василия проглоченный воздух с растворенным солнечным лучом спустился теплым мягким комочком, разместился рядом с сердцем и грел, неосознанно для него самого. Василий шел и узнавал улицу, по которой ходил с Верой, ступеньку, на которой поддержал ее под руку и почувствовал ее тепло и волнение. И узнал щербину, рядом с которой Вера прижалась спиной к стене, закатившись от смеха. К этой щербине Вася прижался щекой, чтобы сбоку близко-близко видеть Верино лицо, заходясь от смеха и счастья. И темную арку, в которой робкий Вася осмелел и поцеловал первый раз в жизни свою Веру. И так это было близко, что Василий Спиридонович затих, пытаясь понять, вспомнить, что же случилось, как он потерял свою Веру. И Петр Иванович, и Николай Семенович, похорохорившись, тоже притихли, подхваченные волной его настроения. И потихоньку что-то запело, заиграло в них, что-то про своих Вер, которых они тоже растеряли на длинном пути.

А Василий встряхнулся, не все же потеряно: Вера есть, есть, она близко, и он может вернуть, забрать ее у всех. И когда они ввалились в ирландский паб, и Василий с ходу увидел танцующую в центре круга Веру, он ничуть не удивился, он был к этому готов. И прямо пошагал к ней. Лацканы темного пиджака широко распахнулись, обнажая белую рубашечную душу. Вася нес Вере улыбку, любовь, двадцатилетнее незамутненное счастье.

Вера обернулась в танце — разгоряченное лицо, разлетевшиеся брови, горячая улыбка — и наткнулась взглядом на Василия. В глаза, а потом клинком прямо туда, где под тонкой белой рубашкой бьется сердце. И Василий налетел с размаху на клинок, и осел, и не понял, что погиб. Столько ненависти было в этом неожиданном взгляде, столько, что Василий застонал и шагнул еще, глубже-глубже насаживаясь на клинок.

Вера, захваченная врасплох, пошатнулась, со всех сторон потянулись руки подхватить, Василий отшвырнул их в негодовании и привычным, давно забытым движением, сгреб ее в охапку. Вера жажнула Василию пощечину, и еще, и еще одну. Василий выпустил Веру и моргал.

Удивленные глаза и еще улыбающиеся рты, застывшие руки и отстукивающие по инерции затихающие каблуки. А Вера заплакала и прильнула к Василию туда, где сердце. И все заотворачивались, заподхватывали друг друга под руки, разоггли затухающий танец и хороводом ушли от Веры с Василием. А Василий все гладил Веру по голове и шептал в макушку:

— Ничего, ничего, как-нибудь, ничего...

Вера села к Любви и Надежде. Василий отдал ей скрипку и потоптался еще рядом, не в силах расстаться. Вера взглядом отпустила его и улыбкой пообещала, что ненадолго.

Василий Спиридонович пошел на место. Любовь и Надежда переглянулись понимающе и снисходительно-нежно.

Альты удивленно потолкали друг друга под бока, закричали по-стариковски, зашипели, под боками было особенно больно. И словно впервые увидели наших скрипачек. Не змеи они были, не тетки, и даже не просто нормальные женщины, а настоящие красавицы. Женственные, с благородно прямыми шеями, длинными и трогательными. Альты обалдели и застеснялись как подростки. И когда Надежда уронила смычок, кинулись, сшибая друг друга, под стул, схватили и подали его втроем. Надежда покраснела, а Любовь засмеялась иронично-гортанно. И от этого смеха что-то окончательно стронулось в головах альтов.

Эту пасторальную сцену с пастушками прервал пушечный удар расхлобыснутой двери и бурное появление запоздавших вторых: Николая Семеновича и Петра Ивановича. Рты перекошены, волосенки вздыблены, кулаки потрясают воздух.

Аристарху приснилось, что бабушка сдвинула хлеб с лопаты на стол и позвала: — Сташенька, иди, маленький. Спробуй первый.

Аристарх потянулся-потянулся ноздрями за хлебом и проснулся. Проспал! Заподхватывался, заматался, обронил миллионнодолларовую свою улыбку, подхватил и побежал.

— Сидите??? — проорал всегда спокойный Николай Семенович. — Ага, видал?? — обратился он к Петру Ивановичу. — Сидят они.

Коллектив вздрогнул единым организмом и коллективным разумом помыслил: сбрендил!

— А это видали??? — помахал Петр Иванович знакомым конвертом.

— Письмо счастья, — едко пошутил Николай Семенович.

— Рразворачива-аем, — развернул Петр Иванович.

— Смотрим, — продолжил Николай Семенович.

— Смотрим, — согласился Петр Иванович.

— Ну и что? — буркнул Федор. — Билеты.

— Пейнтбол?! — выкрикнули альты, покосились на скрипачек и сели, смутясь.

— Филармония, — отмахнулся Николай Семенович. — Это не главное.

— А вот афишка в конвертике лежит. А сзади, на чистеньком-то, что написано?

— Что?

— А вот что. Читаю, рукой гениального Аристарха нашего Ивановича писано, — Петр Иванович торжественно, срываясь от волнения голосом на фальцет, прочел:

— Виолончель — бриллиант. Болтается без оправы. Края ей запиливают альтисты, с другой стороны давит фагот, сверху замазывает Марусино бумканье. Все не годится. Проиграем. Первые — пресны, старые девы. Добавить им живости, жирности, специй тире кафе, ресторан. Вторые скучны до смерти. План.

— Слушайте, слушайте, план у него! — подняв палец, возопил Николай Семенович, страшно пуча глаза.

Петр Иванович дочитал:

— План. Первые — кафе. Зачеркнуто. Ресторан. Поедят, попьют, на людей станут похожи. Эм бэ. Что означает — может быть, — перевел Петр Иванович. Альты — дети, карьеристы. Сказать каждому, что он лучше другого. Зачеркнуто. Диснейлэнд. Зачеркнуто. Пейнтбол. Подчеркнуто. Старым — рок-концерт, рок-фестиваль. Зачеркнуто. Оглохнут. Филармония!!!! Восклицательные знаки. Пусть послушают, как люди играют, может взбодрятся. Маруся. Зачеркнуто. Зачеркнуто. Зачеркнуто. Непонятно написано.

Маруся опустила и колотушку, и руки, и голову.

— Маруся. Настроить. Зачеркнуто. Влюбить. Индивидуальные. Федор равно Майя, Маруся — непонятно. Федор. Вызвать жену? Вопрос. Зачеркнуто. Оставить так, неопасен. Вопросительные знаки. Майя — только одно, выщипать брови на переносице, не пугать судей.

Петр Иванович опустил бумажку и вовремя успел отскочить в сторону. Маруся, не разбирая дороги, пронеслась к двери, врзалась во входящего Аристарха, и, не заметив и не поняв, дальше вlepилась в дверной косяк, и скрылась в коридоре.

— Что? — спросил недоумевающий Аристарх.

— Кто будет похож на людей? Кто?! Ты сам-то кто?! — Василий Спиридонович чертом выскочил перед Аристархом и замахал кулаками перед его длинным аристократическим носом.

— Каких людей? — отшатнулся под натиском Аристарх, потряхивая как конь головой, пожимая плечами.

— Вася! — повисла на Василии Вера. — Не надо!

— Вера! Вера! Верочка! — завизжали скрипачки, подхватывая подругу и пытаясь оттащить ее в сторону.

— Дети!!! Кто тебе дети?! — кричали альты за их спинами.

Петя вскинул руку.

— У меня вон часы Ролекс! А ты — дети!!

— И у меня! И у меня! — завопили двое остальных, изо всех сил вытягивая вверх свои вывихнутые, все в синяках, руки.

Аристарх вздрогнул, увидев эти печальные руки, и черный огненный глаз Петруши.

— Ого, — охнул он, инстинктивно прикрываясь папочкой. И получил чем-то увесисто по шее. Шарахнулся и чудом увернулся от второго удара. Фагот просвистел мимо.

— Неопасен Федор?! Я тебе дам неопасен! — подпрыгивал разошедшийся фагот. — Я тебе дам жену! И Майю! И Марусю!

— О-еееей, — переключились скрипачки на Федора. — Ой, Феденька! Не надо!! Убьешь!! — висли, цеплялись за руки, гладили по взъерошенной голове.

— И убью, — проворчал, успокаиваясь, Федор. — Неопасен, гляди ты.

Перехватил поудобней фагот, поднял, но скрипачки встали стеной. Вторые и альты потеснились кучей, окружили Федора, поволокли куда-то. Летели на пол поптитры, сыпались ноты, хрустели страницы. Крики, тяжелое дыхание, взвизги.

Аристарх упал на стул, зажмурился изо всех сил и зажал уши руками. Невыносимая какофония скандала растерзала его музыкальную душу в клочья. Если бы его сейчас били, топтали, он бы не шевельнулся. Он впал в ступор.

Но никто не бил и не топтал его. Федор выдрался из рук, подошел к сопернику и не ударил — не смог. Плюнул, хотел бросить инструмент об пол, но вытер его рукавом и вышагал, переваливая пузцо, из зала.

На освободившееся возле Аристарха место вырвался Василий Спиридонович: — Э-эхх, дрянь!! — махнул с презрением, взял Веру как девочку за руку и увел за собой.

Альты посмотрели на Надежду и Любовь.

— Пойдемте, мальчики, пусть его, жалкий человек, — и ушли. Миссия была выполнена, драки не произошло.

— Дуррак, — сказал на полном серьезе вечный несмешной шутник Николай Семенович.

— Полный, — покачал головой Петр Иванович. — Забирай свой план.

Аристарх не поднимал головы. Петр Иванович пристроил бумажку Аристарху в сгиб локтя, она выпала, поднял, положил ему на колено, удержалась.

Оба вздохнули, как над покойником, надели шляпы и покинули зал за остальными, держась один другому в затылок.

Аристарх сквозь притиснутые к ушам ладони услышал наступившую тишину. Тишина звенела и стала наконец режуще-нестерпимой. Он отнял руки от ушей, разжал веки, выпрямился, встал. Листок с планом слетел с ноги, чуть покружился и присоединился к нотам на полу. К его любимому концерту для его любимого оркестра. В зале сидела одна Майя, опустив голову к инструменту. Аристарх потянулся к ней руками, всем телом, как к последней надежде. Он не был больше сиятельным, не был сверкающим, не был миллионнодолларовым. Светлые волосы повисли над сморщенным лбом, губы кривились.

— Майя, — позвал он.

Майя Иосифовна подняла лицо, и Аристарх пошатнулся. На него смотрело совершенно неузнаваемое безбровое лицо. И это страшное лицо поиграло безбровыми бровями и заговорщицки спросило:

— Ишо чо надо? Зубы может выбить?

И Аристарх не выдержал. Он сложился, скрутился, свинтился, захлебнулся детским плачем:

— Я же хотел как лучше... Я хотел... я не могу... я ведь люблю... люблю оркестр... музыку... больше жизни... а вы... вы все...

— А мы и есть музыка, Аристарх, мы и есть.

— Вы — дураки, пьяницы, — захлебывался Аристарх. — Лентяи, бездари.

Майя обняла его. Он прижимался мокрым лицом к бархатному платью и чувствовал табачную горечь от него:

— Да, Аристарх, а еще мы бабники и бабы... и малолетние нахалы, и старые девы, и потертые старые хрены...

— Вы не можете быть музыкой! Не можете!.. Бах и вы! Моцарт... и вы, как это можно?!! — рыдал Аристарх.

Майя гладила его мягкой ладонью по голове. Ладонь тоже пахла табаком.

— Вы, Майя, даже вы... Федор... и вы... как можно это??? Как? И вот эта музыка...

— Можно, Саша, можно... поплачь, поплачь, маленький. Вот доплачешь сейчас и айда ко мне. Я хлеб сегодня испекла. Вку-усный. По бабушкиному рецепту. Чудо-печку с собой таскаю. Тут всегда хлеб не такой. Пойдем...

И Аристарх, утихая, чувствовал, как через горький дымный запах черного бархата пробивается потихоньку теплый надежный хлебный дух.

— А на конкурс не пойду я. И никто из наших не пойдет. Ты уж сам давай...

И Аристарх закивал, понимая.

Шел дождь. Во дворе не было ни кошек, ни птичек. Одинокие фигурки с собаками на поводках жались к фонарным столбам и растворялись в их жиденьком

свете. Аристарх закончил полировать концертные ботинки, оторвался, увидел еще какую-то тень на одном, дыхнул и довел бархоткой до идеального блеска. Поставил. Дошел на цыпочках в носках до окна, уперся лбом. Отразился в ботинках весь, вытянувшийся, прямой, застывший. Дождь бил по стеклу, прямо ему в лицо, но он не отворачивался. Вздохнул. На цыпочках — до ботинок. Обулся. Дрожащей рукой пригладил чуб, перекрестился неумелой рукой и пошел.

Выход его оркестра. Ложи. Хрустальные люстры. Зал, полный сияющих украшений и черных фраков. Рокот разговоров, отдельные смешки. В первом ряду — строгое жюри мирового класса. Пустая сцена. Пустые стулья. На сцену выходит Аристарх Иванович. И зал замолкает. Сначала замолкают женщины, поворачивают головы к нему, сверкнув на мгновение бриллиантами в ушах. За ними поворачиваются тугими черными корпусами мужчины. Аристарх невозможно красив. Его аристократическая бледность стократно подчеркнута яркостью голубых, пронзительно неземных глаз. Одинокий хлопок, и покатила волна аплодисментов. Стихла. Зал замер в тишине. Старичок с фрейдовской бородкой в жюри вытянул шею, заглядывая за спину Аристарху, словно пытаясь разглядеть, куда он спрятал свой оркестр.

Аристарх заговорил:

— Уважаемые дамы и господа! Я пришел сюда, чтобы просить прощения. Я очень обидел свой оркестр, обидел каждого музыканта, обидел вас, пришедших сюда послушать музыку. Я прошу простить меня. Прошу жюри рассмотреть возможность нашему оркестру... — поправился: — Оркестру представить конкурсное выступление в другой день, с другим дирижером. Сегодня музыки не будет. Простите.

В зале стало так тихо, что казалось, кресла пусты так же, как стулья на сцене.

Аристарх поклонился и повернулся, чтобы уйти. На сцене стояла Маруся. Маруся держала в руках колотушку, и на ее честном лице была написана решимость колотушкой этой то ли играть, то ли биться насмерть. Марусю в ее короткой жизни ни разу не обманывали, и она не поверила. Не смогла, не захотела, не выдержала, пришла... Она свирепо исподлобья глянула на жюри, как смотрела бы пещерная женщина на саблезубого тигра, посмеявшегося прийти за ее женщиной, сжала колотушку и встала за инструмент.

Вася влетел в комнатку альтистов:

— Пацаны! То есть мужики! Там Аристарх! Он пошел! А мы?!

Петя, командир славной тройки, скомандовал:

— Мужики, быстро! Колян, бинтуй!

— Есть, — весело отозвался Колька.

В пацанах бушевал военный бравурный марш.

За стенкой шуршали, надевая платья, скрипачки.

«Он же хотел как лучше», «Беденький, как жалко», «Дурашка», — подумали по отдельности скрипачки.

— Из-за него одного пропадать, что ли, нашему выступлению, столько готовились, — сказали вслух.

В скрипачках вихрем кружились вальсы весенних балов.

Аристарх благодарно, нежно, несчастно посмотрел в глаза Маруси. Маруся отчаянно протянула ему душу. И за ее спиной неожиданно возник Федор с фаготом наперевес. Фагот рыкнул. Взгляды прервались. Федор встал, расставив короткие ноги, упершись в сцену, охраняя Марусю от всех. И Маруся оглянулась и улыб-

нулась ему. С признательностью защитнику, телохранителю, мужчине. Федор расцвел, неудачно перехватил, чуть не выронил фагот. В сердце Федора затрубил, перекрывая шум крови, рог Роланда.

Аристарх стоял спиной к залу, дирижерская палочка в правой руке чуть подрагивала, поднимаясь. На сцену одна за другой, шелестя черными подолами, ослепляя обнаженными спинами, прошептавали Вера, Надежда, Любовь. За ними шаг в шаг, вереницей, — Петя, Вася, Коля. И сели одновременно, на автомате вынимая инструменты, следуя глазами по тонким, переливающимся под атласной кожей щепочкам позвонков, мимо трогательных лопаток, вниз-вниз, так что захватывало дух.

Замерший зал оттаял, захлопал, запереговаривался. Дедушка с фрейдовской бородой осел в кресле, поерзал, устраиваясь поудобней.

Василий Спиридонович почувствовал, потянулся за Верой, втиснулся во фрак, взял потертый футляр и молча вышел из номера. Петр Иванович и Николай Семенович, переглядываясь в полной тишине, обулись и посеменили за ним. В их душах серебрилась загадочная мелодия Шерлока Холмса.

Последней на сцену вышла Майя Иосифовна, играя на ходу. Густо-черным нарисованные брови, в том числе на переносице, откровенно смеялись. Она решительно села, мужским резким движением установила виолончель, игриво приобняла ее ногами. Фрейдовский старичок подскочил и бурно заплодировал. Майя Иосифовна величественно кивнула, и оркестр сел. Аристарх вдохнул, как всхлипнул, и поднял палочку.

Аромат музыки плыл по залу, подчиняясь рукам дирижера. Вступили скрипки, верхние ноты аромата: нежные, светлые, ясные, певучие, теплые. За ними матово, мягко — альты, робко, как вступающие на незнакомый путь подростки следуют за опытными женщинами. Ноты сердца — густая, насыщенная виолончель, смоудиновый фагот. Дополняя друг друга, дразня, страдая, изнемогая, сплетаясь воедино. Первобытные дикие грозовые литавры разорвали их связь навеки. Фагот багрово окрасился ревностью раненого сердца. Виолончель прикрылась грубоватой иронией. И терпким шлейфом протянулась над навострившим ноздри залом заворачивающая, доверчиво раскрывшаяся любовь первых и вторых скрипок, трепетная, страстно-земная, задумчивая, щемящая, потерянная и вновь обретенная... и затихла, превратившись в тишину. И тишина продолжала звучать в каждом. Зал прикрыл глаза, резонируя, отзываясь. И замер.

И замер Аристарх. Не шевелились оркестранты. Застыло жюри. И кто-то из публики, не в силах никакими подходящими словами выразить обуревавшие его чувства, крикнул:

— Bravo!

И словно прорвало. Зашумело. Закричало. Слилось в едином порыве:

— Bravo! Bravo!! Bravo!!!

И Федор сказал:

— Отстрелялись, теперь можно и пожрать.

И засмеялись правильные скрипачки, залились, закатываясь, альты, захлопали Федора по плечам вторые. Смеялась Маруся, подбрасывала кверху брови Майя Иосифовна.

Только Аристарх стоял, ничего еще не понимая и крупно вздрагивая всем телом, как только что финишировавшая призовая лошадь.

— Расслабься, все, — хлопнул и его по плечу Василий Спиридонович. — Дай пять, а ты ничего мужик.

— Давай, давай, — подходили к нему по очереди мужчины, звонко били ладонью о ладонь.

— Держи, молоток, — протянул широкую лапу Федор.

Аристарх пожимал и пожимал дружеские руки с глуповатой улыбкой, медленно-медленно возвращаясь на землю.

Запищали и набросились на него женщины-оркестрантки. Целовали в щеки, повисали на шее, не стесняясь. Он обнимал-обнимал — своих, родных, любимых. На сцену потащили букеты. Чужие декольтированные женщины окружили, завертели его, тоже целуя, прижимаясь, щелкали вспышки. Аристарх вдруг потерялся, застонал, дернулся, высвобождаясь. Прочная, надежная как маяк Майя Иосифовна протянула ему руку, вытащила из котла. И Аристарх увидел Марусю. Маруся стояла, прижав вытянутые руки к телу, и безропотно, прощаясь, смотрела, как Аристарха уносило от нее круговоротом породистых великолепных женщин. Аристарх кашлянул, не зная зачем, с силой дернул лацканы фрака и чуть вразвалку подошел к Марусе. Открыл рот, закрыл, решил, открыл снова и хрипло произнес:

— Придешь сегодня на индивидуальные занятия?

И Маруся сказала:

— Да.

ЧЕРТ ПОПУТАЛ (ИНЬ-ЯН)

Был тот самый вечер раннего марта, когда обманчивое тепло пело о настоящей весне, а небольшая пасмурность мягко окутывала привычные очертания города, делая его чем-то напоминающим европейские столицы.

Светлана Пална вышла с работы. Замерла на краю парадного крыльца. Втянула до головокружения вечернюю свежесть, зажмурилась, собрав лицо в смешную гримаску. Выдохнула офисную затхлость, протяжно до доньшка, чуть не со свистом.

Почувствовала себя вольной, легкой и свободной. Соскочила с крыльца, получив каплей с козырька по макушке. Засмеялась. Зашагала, с удовольствием впечатывая ноги в подтаявшую корочку на тротуаре. Одновременно как бы со стороны любуясь собой, такой еще не старой, с сохранившей стройность фигурой, точеными ножками, облегающей юбкой, высокими каблуками. Хотелось идти до самого дома пешком и совершать безумства. Ее резко очерченный нос покрутился вправо-влево, выбрал лево, и Светлана повернула на подъем к центральной, такой притягательной для весеннего люда улице.

Часть затяжного подъема Светлана одолела танцуя. Но примерно на половине пришла в прежде легкую голову мысль, куда это она, собственно, направляется в таком радужном настроении, а дома никто не ждет, и пешком до него, естественно, дойти нереально. Узкие плечи начали опускаться, нос утратил стремительную резкость и стал просто длинным, потянул лицо вниз. Разновесами в голову добавились рабочие мысли и проблемы, по одной пригружая мозг.

Светлана Пална нахохлилась, скрючилась, стала похожа на взьерошенную маленькую птичку с большим клювом. С внезапно появившимся ожесточением она затыкала неудобными каблуками в подталины. Довести себя до автобусной остановки — и домой, какого черта она потащилась вообще пешком. И тут сзади раздалось:

— Здрасьте!

И с левого бока ее легко, будто она стояла на месте, обогнал парень. Бело улыбнулся и открыто посмотрел в лицо.

— Здрасьте, — буркнула Светлана Пална, мельком глянув и не опознав здоровающегося.

Парень уставился, откровенно разглядывая. Светлана Пална ошетибилась. Продажник! Скользнула взглядом вниз, ожидая увидеть растянутый пакет, из которого сейчас «чудо только для вас» парень достанет какую-нибудь невразумительную вещь. Но пакета не было.

Были мешковатые джинсы, складками наезжающие на тупоносые рыжие ботинки. Руки в карманы, толстая кожаная куртка, ворот серой водолазки, планшетка на длинном ремне. Стиль casual, гармония свободы и сдержанности, как пишут журналы. Небрежно, модно, дорого. Непохоже на продавца. И лицо: нахальные синие глаза, два пятна румянца под скулами, небрежно вздыбленный треугольник каштановых волос над умным лбом.

Шел перед Светланой Палной лицом к ней, спиной вперед. Без оглядки уверенно месит снежную кашу. Не обогнать, не обойти.

— Я мог бы спросить у вас, как куда-нибудь пройти. А потом сказать, что где-то видел вас раньше, — улыбнулся ироничными губами парень. — Но я знаю этот город точно лучше вас. И я совершенно точно никогда вас раньше не видел. Давайте просто познакомимся.

— А вы мне потом предложите средство для похудения?

Парень еще раз просканировал фигурку Светланы и так откровенно захохотал:

— Вам? Для похудения? Давайте я вам лучше предложу кофе с пирожным.

— А может, вы — маньяк?

— Вот это честно нет, — парень закрутил головой, прижал ладонь к сердцу и резким движением отринул это обвинение. — Ну не повезло вам.

И снова расхохотался. И Светлана не выдержала, засмеялась вместе с ним. Было в парне то же, что и в раннем марте: молодость, свежесть, какое-то неоскорбительное нахальство. И непременно должна была выйти из этой истории какая-то чушь и нелепица. Но так давно у Светланы Павловны не было никаких историй, что даже чушь и нелепица, ожидающие в конце, вдруг стали желанными ей. И она сказала, не кокетничая и не ломаясь:

— Ну давайте познакомимся.

— Максим, — с готовностью склонил голову юноша, каштановые волосы мотнулись на лоб.

Тут он наконец запнулся за ледышку на тротуаре и начал валиться, как шел, спиной вперед. И Светлана Пална выкинула руку и цепкими тонкими пальчиками ухватила за рукав и удержала. Кожа куртки оказалась теплой и мягкой, хорошей выделки. Такую приятно гладить рукой. Да и кожа на лице парня была такой же ухоженной и гладкой. Как у хорошо следящей за собой женщины. Только два лихорадочных пятна продолжали гореть под высокими скулами. Волнуется?

— А тебя как зовут? — затеребил он Светлану, которая вдруг задумалась, какое тактильное ощущение получила бы она, если бы провела рукой по его щеке. Она даже заперебирала пальцами в воздухе. Он затормозил ее за плечо, как-то так естественно и необидно, как подружки в школе. — Не спи, я — Максим, как тебя зовут?

— А мы уже на ты? — пробормотала она, немного смущаясь, будто он мог прочитать ее мысли про потрогать.

— Да, конечно, — уверенно кивнул парень, снова сваливая челку на бровь. — Зачем затягивать, потом трудно с вы на ты перейти. «Пустое вы сердечным ты она, обмолвись, заменила...»

— Ого, ты знаешь классику, — говорит ему ты было приятно и как будто привычно.

— Итак, она звалась?..

— Светланой... — она хотела добавить Палной, но вовремя сдержалась.

— Светлана — красивое имя, и светлое, и былинное... что-то там... ты моя Светлана...

Комплимент был, наверное, дежурным, но, повторяюсь, и дежурные комплименты на Светлану Палну обычно не сыпались. Она смутилась, сказала в ответ, что Максим, Макс — очень подчеркнуто мужское, мужественное имя.

Красные пятна на лице парня запылали ярче и поднялись на скулы.

Две женщины со Светланиной работы, взбираясь по улице и щечба, как природолюбивые воробьи, узрели парочку, разом примолкли, одинаково расплылись понимающими улыбками и прикрылись масками притворного неузнавания.

Не здороваясь, обогнули Светлану с Максимом с двух сторон и, не разглядывая в упор, за доли секунды успели рассмотреть больше, чем Светлана смогла бы увидеть и понять за год знакомства. Светлана прекрасно знала цену этим взглядам. Ей было одновременно и неприятно, и приятно. Неприятно оттого, что такой молодой, цветущий, как девушка, парень был ей явно не парой. И приятно оттого, что в этот момент он именно парой ей и был.

И когда на работе ее будут расспрашивать и обсуждать, можно сделать многозначительный вид и притвориться, что мы ого какая пара! У Светланы поселилось чертовски приятное чувство, что и сама она еще ого-го. Парни вон на улице знакомятся. В то же время она не расслаблялась, невольно ожидая какого-то подвоха. Вдруг все ж продажник?

Парень внезапно понял ее замешательство.

— Пойдем, — сказал он.

И она без вопросов подчинилась.

Они пошли рядом, иногда сталкиваясь плечами. И Светлана думала, что такая прогулка ее ни к чему не обязывает, и в любой момент она может соскочить. Тем более и автобусная остановка уже почти рядом. Но заходящее солнце было таким ласковым, а тени светлыми, и мужчина рядом — таким желанным спутником, что убежать в нежить пустой квартиры не хотелось. Она покосилась на спутника. Максим шел немного вразвалку, руки в карманы, шурился на розовеющее застенчивое солнце. Он повернул голову к Светлане:

— Начнем? Разворачиваю список нейтральных тем для первого свидания: первый пункт — о погоде, второй — о погоде, ии трети-ийй — о погоде. Вариантов у нас немного. Итак, о погоде?

— Погода хорошая, — торопливо подхватила Светлана.

— Ммм, добавить нечего. Поддерживаю.

Они засмеялись.

Светлана выхватила из контекста «первое свидание», мысленно упала в обморок, полежала, восстала, будто это было «талифа куми». И вместе с ней, с самого дна души, с давних времен похороненный, поднялся ворох конфетти. Закружил, скрутив живот, сбив дыхание, заставив кровь стучать в висках. Часто пульсировало сердце. Метались мысли, спеша, натываясь друг на друга, оттаптывая в спешке хвостики.

Свидание? Что значит первое? Будет второе? Может, он ошибается? Может, думает — я моложе? Не может, тут нельзя ошибиться. Да ну и что, какая разница! Я ему нравлюсь? Тут подвох, не может быть! Нравлюсь, да, да! Я же такая! Это же я! Как можно меня не полюбить? Как я буду с ним жить? Может, я еще успею родить? Успею. О чем ты, боже! Первое свидание. Только первое.

Светлана неожиданно вздохнула, скорее выдохнула. Освобожденно, как на крыльце офиса. Максим улыбнулся:

— Что? — почти не слышно, одними губами.

— Ничего, — мотнула головой Светлана. — Куда пойдем?

Лицо ее просветлело, походка изменилась, она снова затанцевала, в глазах сияло по солнышку.

— Мы можем выбирать. Вот на горизонте немного пафосная кофейня, там можно сидеть вдвоем под лампой как на необитаемом острове. В окружении таких же приглушенных островков...

— Вы поэт, Максим? — с любопытством заглянула ему в лицо. — Ты поэт, — поправилась.

— Да ну, — отмахнулся он. — Можно протянуть чуть дальше, там очень демократичный подвальчик, полно студентов. Там мы можем чувствовать себя привычно одиноко в толпе и каменных джунглях кирпичных стен. Кофе там хороший, рекомендую.

Светлана развеселилась. Ей до смерти надоели приличные пафосные заведения. Кроме того, она подумала, что, может, Макс по молодости лет они не совсем по карману. И захотелось почувствовать себя ровней ему.

— Пойдем к студентам. Окунемся в каменные джунгли.

— Пойдем.

Он взял ее за руку. Помахал сцепленными ладошками как детсадовец. Аккуратно прихлопнул тыльную сторону ладони своей ладошкой. И в момент, когда ее пробило током, отпустил.

Рука сохранила тепло его ладони. Светлана украдкой спрятала руку в карман, чтоб не растратить.

Смеркалось. На главной улице растепливались фонари. Становилось зябко. Подвальчик светился из-под земли окошечками домашней елочной гирлянды. По темным ступеням сбежали вниз. Светлана надеялась, что он подаст руку, и чуть обиделась, что нет. Мальчишка, никаких манер.

Максим скатился до дверей, по-киношному кинул голову вниз и распахнул створку. Светлана вошла церемонно. И сразу в нос — теплая горечь кофе, притененная корицей, обволакивающий запах ванильной сдобы. Шум. Смех. Музыка. Приглушенная разноголосица. Светлана немного обалдела от контраста с прохладной стерильной улицей. Но ей понравилось. Деревянные столы на первый взгляд были все заняты, за ними сидели, галдели, читали, болтали, целовались. Но Максим увидел где-то в конце незанятый столик и махнул Светлане туда. Пока она раздевалась, оглядываясь, куда повесить светлое пальто, Максим занял очередь к стойке.

Нашли еще нейтральные темы. Поболтали про кино. Светлана, сбросив отчество Пална и вместе с ним двадцать лет, безудержно веселилась. Они с Максимом обнаружили общие интересы: обоим нравилась вселенная Гарри Поттера и не нравилась вселенная Марвел. Смеялись, пили на ночь кофе, неожиданно действительно хороший.

Светлане казалось — вокруг сидят одни парочки. И это ей страшно нравилось. Фоном гудела кофемашина, приготавливая один капучино за другим. Помещение было наполнено будоражащим запахом кофе.

Светлана и без того была взбудоражена, приподнята, возбуждена. Ей нравились все люди вокруг. Она была влюблена в юного бородача за стойкой, который варил кофе и смущенно улыбался в усы, рисуя девушкам сердечки на молочной пенке.

Ей до безумия нравилась девушка за соседним столиком, с тонкими руками и черно-красными татушками. Нежные ее руки летали над столиком, и тяжелые тату словно чуть оттягивали их вниз. Светлана умилялась этим рукам, несочетаемому сочетанию девчочковости и брутальности.

Но больше всего ей, конечно, нравился Максим. Так нравился, что она боялась лишний раз взглянуть на него, чтоб не дай бог не пробило слезой. Максим сидел,

чуть навалившись на стол, куртку не снял, только расстегнулся. Лицо его разгорелось, глаза не отрывались от Светланы.

Она была в ударе. Блистала остроумием, подхватывала на полуслове, парировала, отбивала удары, как в настольном теннисе. И чувствовала каждой клеточкой, что нравится. Нравится. Нравится.

Настало время идти домой. Максим подал пальто. Подал руку на выходе на ступеньках.

— Вот моя остановка, — сказала Светлана, ожидая, что Максим предложит проводить, предложит еще погулять, предложит еще что-то, что-нибудь предложит, и, может быть даже, они же взрослые люди, поедет к ней. Светлана мысленно пробежалась по дому, вроде не все там так плохо. А может, позовет к себе? Приглашаться или нет?

Максим сказал:

— О, автобус как раз. Смотри, и пустой. Садись. Давай, пока.

Подкинул ее на подножку, махнул рукой, подождал, пока двери закроются перед удивленной Светланой Палной, и повернул в темноту.

Длинного пути до дома и длинного вечера Светлане Палне хватило, чтоб отругать себя душой, старой душой, душой беспросветной и прочими прекрасными эпитетами. Перед длинной ночью, ложась в одинокую постель, которую предположительно сегодня мог скрасить Максим, и пытаясь уговорить себя, что все еще может иметь продолжение, она поняла, что своего телефона он не оставил и ее телефон не взял, и, что уж тут скрывать, все же заплакала. Тихо и безнадежно.

— Обними меня, мой любимый Максимушка, я ужасно устала.

— Не нравится мне эта твоя работа и этот твой новый проект.

— Да, Максимка, это препарирование жуков, это брр...

— Может, ну его? Ты уже спишь, Оля? Олюшка...

Утром в зеркале безжалостно рассмотрела все морщинки, синеватые непроходящие тени под глазами, складочки в углах губ.

— Вот так, Пална, вот так теперь и будет всегда.

На работе пребывала в раздражении, на ровном месте поцапалась с коллегой. Механически переключивала бумаги, кривилась, скалилась, огрызалась. Прodelала все то, что должна проделывать несчастная женщина. Домой идти не хотелось, но все же настал миг, когда откладывать дальше было некуда. Спустилась нога за ногу по лестнице, не устроил скоростной лифт, слишком быстро. Проходя, смотрела в лестничные окна. Морось. Отвратительная мартовская взвесь. То ли дождик, то ли снег. Ни то ни се. Как я и вся моя жизнь, подумала Светлана Пална.

На крыльце стоял Максим.

— Привет! — махнул ей, будто они условились о встрече. — Долго ты сегодня.

Нос он имел красный, до носа была натянута вязаная невообразимо симпатичная шапочка. Изо рта шел пар. Руки тулил в карманы джинсов. Для озябших рук карманы были узки. Хотя Светлана еще вчера обратила внимание, что запястья у Максима нешироки и ладони ничего общего с мужицкими лапами не имеют. Аристократичные, отметила Светлана.

— Максим, — ахнула она. — Ты что тут? Ты как? Ты замерз? — чуть не выкрикнула она.

— Норм, — не поддался он на жалость. — Пошли по кофеечку. Покормлю тебя.

— Да я не голодная, — привычно попыталась отказать Светлана.

— Тогда я голодный. Пошли.

Максим протянул замерзшую руку. Светлана ухватилась. Спустились с высокого крыльца. И с каждым шагом голова Светланы все поднималась, вчерашние пузырьки настроения вскипали в ней, щекотали под ложечкой, которая действительно была голодна: на работе Светлана задержалась порядком.

Морось окутывала их фигуры как плед. Они были совершенно отделены этим покрывалом от всех, и пар из их ртов перемешивался, когда они перебрасывались ничего не значащими фразами. Светлана повернула на углу направо на пешеходный переход, Максим придержал ее за локоток и повернул к автомобильной стоянке. Светлана удивленно обернулась, Максим пожал плечами, улыбнувшись, и квакнул брелочком сигнализации. Сразу же ближайшая машина, неплохая машина, отозвалась бодрым миганием фар, шелкнула, отпуская двери.

— Садись, — сказал Максим.

Светлана села на переднее сиденье. Максим по пояс нырнул к ней, открыл бардачок, достал тряпку.

— Посиди чуть, сейчас прогреется, — и пошел по-хозяйски кругом машины, протирая стекла.

В машине приятно пахло, играла негромкая музыка. Холодно только было. Светлана с любопытством огляделась, пытаясь по характеру машины понять что-нибудь о ее обладателе. Понять было решительно ничего невозможно, кроме того, что Максим содержал ее практически в идеальном порядке. Никаких висюлек, крестов, четок, ничего ниоткуда не свисало. И на заднем сиденье, как увидела, скосив глаза в зеркало, Светлана, не валялось.

Мягко чавкнула дверь, Максим сел рядом, взявшись за руль, привычно, одним движеньем, устроился поудобней, придавливая сиденье. Был он не особо велик, и сиденье легко приняло его тело, подстраиваясь под изгибы. Подкрутил потеплей печку, очень мужским движеньем, женщины так никогда не делают, подметила Светлана, большими пальцами у висков подцепил шапочку и как будто скатал ее с головы. Не глядя, швырнул за спину на заднее сиденье. Шмыгнул красным носом, повернувшись к Светлане.

— Сейчас поедем. Тебе тесновато, — не спросил, а утвердил. Наклонился через Светлану, почти прижавшись к ней, Светлана непроизвольно вжалась в спинку, дернул вниз рычаг, рукой катнул ее сиденье назад. Стало очень просторно ногам.

— Нормально?

— Спасибо, — пискнула Светлана, обалдев от этой внезапной близости тел. Посканировала свои ощущения: ничто не протестовало. Морось залепила свежепротертые окна, точка к точке усеяла стекла непрозрачной сеткой, превратив салон машины в крайне уединенное место. Сердце стучало. Рука Светланы лежала в пяти сантиметрах от руки Максима. От тонких его, полупрозрачных каких-то пальцев. На левом безымянном — серебряный перстень. На правом, Светлана прищурилась, ничего. Ок. Хотя это ничего и не значит. Пальцы Светланы чуть зашевелились, словно против ее воли, самостоятельно хотели подобраться к его руке.

— Поехали, — сказал тут Максим. Перевел левой рукой рычаг, правой шелкнул дворники, и те бодро побежали, расчищая обзор, раздвигая границы их с Максимом уединенного мирка. Светлана совершенно явственно пошевелила пальцами, прибрала вспотевшую ладонь, погладила себя по коленке.

— Максим, — спросила она, — а вчера ты без машины был?

— С машиной, — сверкнул зубами и глазами в ее сторону Максим. — Я с ней не расстаюсь почти. Мы с ней как кентавры. А вчера, ну прикинь, если бы я к тебе вчера на машине подкатил знакомиться? Ты бы мне что сказала?

— Ничего хорошего, — засмеялась Светлана.

— Вот-вот, я ж не дурак.

— Ты не дурак, Максим.

Машина скользила в потоке,плыли расплывчатые огни: фары, стоп-сигналы, светофоры. Пела Арбенина: «Целуемся на каждом светофоре, со светофором в сговоре...» Было хорошо и немного неловко, будто она сказала вслух то, что они оба думали про себя.

— Где ты работаешь, Максим? — спросила Светлана, чтоб заглушить эти высказанные слова.

Максим, видно было, не горел желанием об этом говорить:

— Работаю? Да помаленьку везде. Где платят, там и работаю.

— Не продажник? — вырвалось все же у Светланы вчерашнее словечко.

Максим вздрогнул от неожиданности:

— Продажник? Что за продажник еще?

— Ну этот, который пристает ко всем и все пытается что-то продать.

— Ааа, — засмеялся Максим. — Придумала же. Я и не понял сначала. Не-е, не продажник. Приставать пристаю, — подмигнул он, — а продавать не-е.

— И ко многим пристаешь? — заледеневшим в теплой машине голосом спросила Светлана.

— К тебе вот пристал, — отбоярился Максим.

Покосившись, увидел, что Светлана не оттаяла. Добавил:

— К мужику вот недавно приставал. Но это по работе. Чисто по работе, — и ухмыльнулся во весь рот.

Светлана шутя прихлопнула его по затылку. Очень уж ей хотелось до него дотронуться:

— Хоть ты и не дурак, Максим, но балбес изрядный.

Волосы на темечке были мягкие-мягкие, и Максим туда-сюда головой успел поелозить под ее рукой:

— Что есть, то есть. Только не бей водителя за рулем.

— Хорошо, я подожду, пока остановишься.

Светлана убрала руку, опять потеряла ее об коленку. Что ж такое — ладонь снова вспотела. Стало неловко от прикосновения к нему, зачем, чего лезешь к парню, тетя.

Сегодня уже не смеялись в студенческой кафешке. Чинно, позвякивая вилками-ножами, ужинали в полутемном солидном заведении. Играла живая музыка, подхватывал отставленные тарелки, скомканные салфетки официант. Светлана на всякий случай мысленно пересчитывала, хватит ли ей расплатиться, если счет будет раздельный. Хватало, но до зарплаты тогда было внапряг.

Максим и тут чувствовал себя как дома. Куртки не снимал. Крутил между пальцами вилку. Без особого аппетита жевал. И разговор сегодня был соответствующий. Ничего от вчерашнего веселья. Разведывательный.

И как-то так получалось, что Светлана рассказывала о себе, а Максим не особо. Так и не сказал, как он узнал, где Светлана работает. Сказал, что работает частным детективом. Так и не объяснил, почему подошел на улице именно к Светлане. Хотя Светлана ждала однозначно честного ответа: потому что был сражен неземной красотой. Нет, не сказал. Сказал, что работает журналистом, проводит соцопросы одиноких женщин. Потом сказал, что работает перегонщиком, перегоняет тачки из Владивостока. Потом сказал что-то еще. И Светлана обиделась.

Она-то неожиданно успела выложить все. И что одна, и что разведена, и что офисный работник, и что дочь взрослая и учится в другом городе. Светлана замолчала, стала односложно мычать и посматривать на часы. Ее начала тяготить встреча. Стало грустно оттого, что знакомство не выдержало и второго свидания. Сейчас попросаемся, и надо завязывать. Привычно посетовала, что и этот опять не тот. И вряд ли тот будет когда-нибудь.

Максим заметил эту перемену:

— Совсем загрустила ты у меня, Светлана. Обиделась? — он посмотрел прямо в глаза.

Светлана вяло отвела взгляд. Какая разница, сейчас дожждаться, когда прилично уйти, и все, прощай, Максим. «Ты у меня», да не у тебя я. Сама по себе.

— Прости. Думал — шучу. Оказалось — обижаю.

Он положил ладонь сверху на ее руку, слегка похлопал:

— Честно, прости. А подошел к тебе потому, что очень мне было по-дойти. Не мог пройти мимо.

— Почему не мог? — вырвалось у Светланы.

— Шел по улице. И увидел, что ты именно та, что нужна.

— Ты это по спине догадался? — съерничала Светлана, но голос заметно смягчился.

— Практически, — Максим вдруг прыснул и расхохотался на весь ресторан, совсем по-детски. Прижал кулак ко рту, удерживая смех, и фыркнул еще громче. Глядя на него, рассмеялась и Светлана. И сегодняшние обидки уплыли куда-то далеко-далеко. Поверила Максиму.

После ресторана совсем друзьями, подшучивая друг над другом, сели в машину. Атмосфера в машине была подогрета смехом, снаружи летали снежинки. Было по-новогоднему красиво, хоть на дворе стоял март. Припорошило. Засветились выбеленные тротуары. Под колесами, чавкая, тянулись темные ленты. Максим, не спрашивая, катил по городу вдоль реки под праздничными фонарями. И Светлане снова хотелось его потрогать.

Профиль Максима с чуть курносым носом и пухлыми немужскими еще губами четко был виден в свете фонарей, губы снизу дополнительно подсвечивались огоньками панели приборов. И Светлане мучительно захотелось провести по складке между его губами сгибом пальца. Аккуратно, будто потрогать улыбку, не сходящую с губ со времени ресторанного хохота.

— Довезу тебя, — не поворачиваясь, сказал Максим, и понес улыбку через километры. Светлана кивнула, хотя он не мог этого видеть.

Потом Светлана подсказывала: «направо, налево, вот сейчас на светофоре, нет, не там, во-он за той машиной», подтягивала живот, в котором что-то ходило, наверное, какие-то особо большие бабочки, и думала, поднимется он к ней или нет.

— Ну пока, — Максим протянул руку и хлопнул пять.

Светлана звонко шлепнула предложенную пятерню, чуть задержала ладонь и, медля, пожалала пальцы. Максим слегка пожал тоже. Светлана оторвалась от созерцания пальцев и словно нехотя перевела взгляд на лицо. Максим смотрел на нее как-то странно. Время застыло.

Их лица светились совсем недалеко друг от друга. И должен был последовать поцелуй. Светлана подождала чуть и, не почувствовав движения Максима, сама как намагниченная начала клевать носом в его сторону.

Она все клонилась и клонилась, и это было тягуче-бесконечно, и от тишины в машине готовы были взорваться уши. Кровь стучала в голове, дыхание стало хриплым, прерывистым и одновременно протяжным. И в последний момент Максим уклонился. Светлана ткнулась ему носом в кожаное плечо, почуввав слабый сигаретный запах.

Максим неловко потер ее рукой по голове и отстранился. Светлана откинулась назад, хрипло каркнула, что все, она пошла. Нашарила дрожащей рукой ручку сумки, той же рукой шарила дверцу, не находя ее. Максим опять перегнулся через нее и открыл.

— Пока, Светлана. Все хорошо.

— П-пока.

И побежала, запинаясь и скользя по снежной пороше к подъезду. И не слышала за своей спиной, чтоб взревел двигатель, отъезжая. Залетела в квартиру, не зажигая свет, не закрыв дверь, проскочила до окна и сбоку, будто с улицы ее могли видеть, выглянула из-за занавески.

Максим стоял под фонарем, прислонясь к грязному капоту машины, курил, тер лицо, поднимал его навстречу падающему снегу. Бросал окурки, опускал голову, зажимал ее руками и раскачивал. Опять доставал сигарету. Потом кинул ее незажженную. Как Светлана давеча, слепо пошарил по дверце в поисках ручки и наконец уехал.

Светлана улыбнулась победоносно.

— Оль, послушай, что у меня сегодня было.

— Максимка, не могу, честно не могу, давай завтра. Спа-ать.

До утра Светланины сны были полны Максимом. И ее руки были его руками. И она сгорала и воскресала под этими руками. Кусала губы, пропадала в горячке, шептала его имя дрожащему в полусумраке городской ночи потолку. И не могла понять, спит или нет. И раскрывала глаза шире и шире, втягиваясь в бесконечную воронку, теряла свое тело и распадалась в звездную пыль. И видела разом миллионы городов и сотни людей. И все был Максим. В эту ночь он стал ее любовником, хотел он этого или нет.

На другой день все на работе у Светланы спорилось. Вчерашний обиженный ею коллега был принят с распростертыми объятьями и еще полдня удивлялся, как он мог поссориться с такой замечательной женщиной. Светланин невыспавшийся вид был немедленно подхвачен на флаг теми самыми кумушками, что видели парочку в первый день, обсужден со всех сторон. Одна сделала попытку подцепить Светлану:

— Что, Светик, молодой любовник ночью спать не дает? Совсем ты невыспавшаяся.

Светлана откровенно засмеялась ей в лицо, потягиваясь гибким телом:

— Ты ж видела его, Мариночка, с ним разве уснешь?

— Не слишком молод для тебя парнишка? — все-таки хотелось уколоть Марине Ивановне.

— Я принесу вам его резюме на утверждение. Как-нибудь в следующий раз...

— Глаза у тебя сияют, — заметила подруга на обеденном перерыве. — Влюбилась?

— Влюбилась, — честно ответила Светлана.

— Везет, — вздохнула подруга.

— Ты знаешь, — задумчиво покрутила вилкой, так же как Максим вчера, — мне уже так хотелось любви, что я готова была принять ее от любого: молодого, старого, мужчины, женщины. Понимаешь?

— Панимааюю, — протянула подруга. — А он симпатичный?

Светлана ждала вечера. На ней была самая любимая юбка, ей хотелось, чтобы Максим не сводил глаз, хотелось быть соблазнительной. Она чувствовала себя стопроцентной женщиной, забытое ощущение. День, как назло, тянулся. Светлана успела переделать чертову кучу работы, очаровать всех мужчин отдела. Всех подхватило Светланиным настроением, мужчины распушили хвосты, женщины прихорашивались. Офисное пространство было припорошено флиртом, искрились комплименты, летали взгляды. Вечер никак не наступал.

Светлана внезапно устала. Сникла. Села, спрятавшись за монитором, смотрела в окно. Сегодня растаяло, чирикали безумные воробьи, светило солнце. Ни следа не осталось от вчерашней белизны. Природа буйствовала, пробуждаясь.

А Светлана загрузила. Ей вдруг показалось, что никакого Максима не существует. Все померещилось ей сегодняшней горячечной ночью. Она задумалась крепче. Ну точно же, не было ничего. Вышла она позавчера, дошла до остановки, доехала до дома и — спать. Вчера было так же, только на работе подольше задержалась.

На этой протяжной и печальной мысли в кабинет ворвалась местная сумасшедшая, встрепанная девица в юбке колоколом, и проорала:

— Светка, что за парень, с которым ты встречаешься?

И все понеслось сначала.

Светлана хотела вылететь первой ровно в шесть. За ней потянулся любопытный хвост. Тогда она притормозила, пропустила всех вперед, будто что-то забыла и вспомнила. Хвост тоже остановился, не хотелось упускать интересный сюжет. Но Светлана прочно засела за столом:

— Идите-идите, я вспомнила, что не закончила тут немного. Сейчас еще часик-полтора и пойду. Если хотите, подождите.

Хвост, ворча, нехотя потянулся к выходу.

Через пятнадцать минут Светлана с удовольствием оглядела поле боя. Живых не было. Светлана быстренько накрашила губы, полюбовалась на свои горящие глаза и сияющие щеки и рванула к выходу.

Но, когда она вышла в коридор, откуда-то из одной, другой двери показались знакомые, незнакомые:

— О, Света, домой? И мы тоже!

Светлана скрипнула зубами, но, покорившись неизбежному, пошла.

На крыльце никого не было. Светлана огляделась. Хвост тоже огляделся — никого. Светлана остановилась, поправляя шнурок на ботинке. Хвост налетел на нее и, делать нечего, попрыгался, спустился с крыльца и рассосался, оглядываясь. Светлана приподняла голову от ботинка, огляделась еще раз. Максима не было. «Может, рано вышла, — подумала Светлана. — Два дня задерживалась».

Ноги понесли ее в соседний магазинчик. Там она бесцельно пошаталась между полок. Взяла хороший кофе на всякий случай, вдруг Максиму утром варить, взяла чай, да пошел он этот Максим, я чай люблю, буду чай пить. Взяла мясную нарезку, мужчины любят мясо, взяла сырную нарезку, никаких мужчин, я люблю сыр на завтрак.

Потом решила, что сейчас выйдет, а там Максим, а она нагружена продуктами как ломовая лошадь, положила все на место. И поспешно выскочила из магазина.

Светило солнце, пели птички. Все было, Максима не было. Медленно Светлана двинулась к переходу, произвольно вытягивая шею, присмотрелась к автостоянке. Но, поскольку в машинах разбирались на уровне: светлая-темная, узнавания не случилось. Все были точно такие и все были не те. На углу Светлане померещилась Максимова куртка, через шаг Максимова челка, справа — глаза, через несколько шагов — фигура, походка. Наваждение.

Светлана не надеялась уже, что встретит Максима, но на светофоре будто нечаянно повернула на подъем к центральной улице, где увидела его первый раз.

Светило солнце, пели птички, Максима не было. «Я вспугнула его вчера, — думала покаянно Светлана. — Полезла целоваться, дура старая. Ему с девчонками целоваться, не с тобой. В себя, бедняга, прийти не мог. Все стоял, курил».

Потом она разозлилась: «Я не обязана делать так, как нравится ему. Я — живой человек. Мне хотелось его поцеловать. Я сделала это. Ну почти. Его дело принять или отказать. Мне нечего стыдиться».

Она задрала подбородок и гордо потыкала по крутому склону улицы, вбивая каблуки в сухой сегодня асфальт. Взобралась как альпинист на гору. И пошла по центральной улице, гордая и независимая как никогда, потому что решила: больше в ее жизни не будет никаких мужчин, сама обойдется, сама по себе. Она прошла мимо своей автобусной остановки, потому что ей совершенно не хотелось домой и совершенно по кайфу было наедине с собой. И поэтому, и только поэтому, она завалилась в студенческую кафешку, где все было как всегда: кофе, ваниль, корица. И, конечно же, не было никакого Максима.

Светлана заказала кофе и крайне вредный сэндвич, потому что решила больше не беречь фигуру и наслаждаться жизнью по полной программе. Жевала безвкусный сэндвич, не получая никакого удовольствия от его вредности.

Вокруг были одни парочки, и это страшно раздражало. Юный бородач кривился чего-то в усы. Девушки, через одну в татуировках в самых неожиданных местах, бесили. Неужели не понимают, как это некрасиво: грубые тату на девичьей коже. «Стоп! Стоп! — приказала себе Светлана. — Что это ты? Куда тебя понесло, старческое брюзжание». Она затолкала остатки бутерброда в рот, захлебнулась кофе, так что чуть не полилось через нос, прокашлялась, отдышалась и, быстро собравшись, выскочила на улицу.

Дошла до реки неизвестно зачем. Тут, как всегда, дул ветер, выворачивал полы пальто, хулигански хватал за подол юбки, обнаглев, гладил ножки. Побродила по набережной. Во встречных парах еще несколько раз померещился Максим. Потом показалась похожей на него задумавшаяся возле парапета девушка. Светлана передернула плечами, мысленно сплюнула от наваждения и потащилась домой.

— Оля, Оленька-Яло, наконец мы вместе. Вечер только наш. Иди ко мне, киса, я тебя поцелую.

— Извини, Максим, мне нужно немного поработать, пописать. Ложись, не жди меня.

На следующий день Светлана Пална глубоко думала, глубоко чувствовала и глубоко вздыхала. И думала она уже не о Максиме, а о своем бывшем и последующем. И о том, почему не сложилось ни в первый раз, ни потом. И грустила обо всех сразу, и всех было жаль. Себя почему-то жалко не было. Потом мысли перекинулись на Максима. Почему залипла на него так сразу? Светлана хотела сказать себе, что ничего особенного в нем нет, но вынуждена была признать, что он показался ей умным, что выгодно отличает его от всех знакомых. А умные всегда притягивали ее. И с ним так легко. И он такой красивый, мягкий какой-то. За окном шел серенький дождь. На Светлане Палне был серенький плащик, невразумительный и очень под настроение.

— Что случилось? — спросила подруга за обедом. — Бросил?

— Бросил, — повторила Светлана Пална и, только произнеся, поняла, что действительно бросил.

— Вот ка-а-зе-ол! — с чувством выговорила подруга. — Эх, Светка, все они такие! Никому верить нельзя!

— Да брось ты, — вяло и как-то неуверенно отбивалась Светлана. — Разные они.

— Да какие разные! Сама брось, нужны нам эти любви их! Вон лучше сходи на сайт знакомств, — подруга игриво подтолкнула Светлану локтем, приподняла брови. — Таам... ммм... любые, какие хочешь, и прямо сейчас. И никаких любовей.

Светлана вспомнила вчерашний сэндвич и сказала:

— Сбрось ссылку.

Загордившись от коллег ко всему привычным монитором, Светлана открыла на телефоне ссылку, нервничая, чтоб никто не увидел, зарегистрировалась, поставила какую-то фотку. Через минуту телефон трьнькнул: сообщение. Еще и еще. Светлана краснела, бледнела, листала сообщения, в основном нескромного характера. Всем она сразу нравилась, некоторые предлагали встретиться прямо сейчас. Были старые и молодые, и, конечно, не назло Максиму, а просто потому, что Светлана решила наслаждаться жизнью по полной, она выбрала кого-то очень похожего и ткнула: ответить. И совсем не из-за Максима, а совершенно сама по себе договорилась встретиться с новым ухажером в семь. Сразу обговорили, что идут в гостиницу.

«А вот увидишь, а вот узнаешь», — бурлили у Светланы до вечера в голове бессвязные мысли. И почему-то непременно, была она уверена, вечером на крыльце будет стоять Максим и увидит, как она гордо прошествует мимо и сядет в машину к новому кавалеру.

Мысли были достойны девочки из пятого класса, и Светлана стыдилась их. Но не могла перестать их думать. И когда вечером на крыльце Максима не оказалось, а из машины высунулся похожий паренек, даже не снявший для такого случая обручальное кольцо, Светлана все еще продолжала думать, что это месть. И пока ехала с ним в гостиницу, а он хозяйски оглаживал ее колено, она все думала, что Максим откуда-нибудь может ее видеть, хотя, конечно, понимала, что не видит. И когда закрылась за ними дверь номера, и Светлана поняла, что месть закончилась, а действие продолжается, ей стало неизбывно противно, неловко, глупо, но она сжала кулаки, закрыла глаза и сказала себе, что так и надо.

Мозги отключились, упала бронированная дверь, отсекавшая участок памяти, и Светлана, еще прощаясь с этим случайным человеком, уже забыла его, забыла все произошедшее с ней. В тряском пустом автобусе, привалившись к темному стеклу, думала, что на ужин? Или уже просто чаю попить и спа-ать. Спать. И не просыпаться. И не видеть снов.

— Максим, не теряй меня завтра, буду поздно, по делам.

— Оля, как по делам? Мы же завтра в кино собирались вечером.

— Ой, я и забыла. Не могу, Максим, важные дела. Сходи сам.

— Ладно. Тогда и ты меня не теряй.

— Ты меня пугаешь? Ты даже не спросил меня, по каким делам?

— А это не важно. Ты мне и так уже ничего не рассказываешь. И не слушаешь, когда я тебе говорю.

— Ой, Максим, не начинай. Спать пойдешь?

— Нет.

— Как хочешь.

Утром Светланин телефон был переполнен сообщениями. Она удаляла, они прибывали. Безданная эта борьба выматывала, пока Светлана не сообразила, что сайт можно удалить. Тупо посмотрев на фото последнего писавшего, отметила, что тот на кого-то похож, и снесла приложение.

Надела брюки, поморщилась на боль в мышцах, ни с чем ее не связала. Посмотрела в окно, достала из шкафа серенький плащ и черный зонт, покопавшись, извлекла грубые ботинки. Шел дождь, было опять противно и серо.

Светлана Пална ушла на работу. Скучно что-то делала, и костерки флиртов затухали в ее кабинете. Мужчины подобрали хвосты, смущенно покашливая в

кулак, углубились в отчеты. Женщины тоже привычно угасли и завели между делом унылые разговоры о школе и двойках, плохих учителях и несносных поборах. Светлана Пална вроде и не обращала на них внимания, но к обеду исподволь это так ей осточертело, что, едва дождавшись часа, она позвонила подруге:

— Пойдем в «корейку» прогуляемся, на обед.

— Ну, Свет, — заныла подруга. — Ну посмотри, как там холодно-о и мокро. Может, не пойдем?

— Пойдем, — отрезала та. — Проветрить надо мозги. Не могу уже.

— О, Светк, — вдруг оживилась подруга. — А ты ж вчера ходила, расскажешь?

— Ага, — сказала Светлана, не вслушиваясь. — Пойдем.

— Ну хорошо, я уже бегу, встретимся через семь минут в «корейке». Если раньше придешь, закажи на меня.

Светлана переобулась. Двое мужчин вскинули за ней головы, но она не заметила, не улыбнулась, и они вернулись к прерванному занятию: ожиданию очереди к микроволновке.

Лифт был занят, и Светлана спустилась по лестнице, не особо спеша, приготавливаясь, как вдохнет холодной влажной свежести на крыльце. Смирно потоптавшись в узком горле двери, вытекла в толпе сотрудников на крыльцо. На крыльце стоял Максим.

— Света, — просиял он навстречу. — Света, я здесь!

И пошел против течения, против толпы к ней.

И Светлана, которая была уверена, что Максима уже закопала где-то глубоко-глубоко в душе, в том уголке, что есть у каждого из нас, вдруг рванулась к нему, заталкиваемая невероятной радостью, протягивая руки:

— Пустите, пустите!

Они схватились за руки, подтянулись друг к другу, обнялись на миг, Максим клюнул ее куда-то в щеку и тут же отпрянул. Светлана улыбалась во весь рот: Максим! Максим, робкий как ягненок, ничего в нем от напускного нахальства первой встречи.

— Максим, — теребила она его за локти, куда ухватилась. — Максим, ты такой молодец, что пришел!

— Света, я не мог раньше, — пробормотал он заготовленное оправданье. Но понял, что Светлане оно было не нужно, и выдохнул облегченно.

Их толкали:

— Ну, молодые люди, отойдите в сторонку, мешаете же.

— Света, пойдем.

— Пойдем, Максим.

— Света, поехали со мной, — попросил Максим, заглядывая ей в лицо, пока они спускались с крыльца.

— Поехали, — смеялась Светлана. — Где машина твоя?

— Да вон она, вон, — он подвел ее, полуслепую от счастья, к своей машине. — Садись, пожалуйста. Ой, ой, Света, пассажирское с той стороны.

— Да ты что! — Светлана закрыла лицо руками. — Смешно!

Кое-как уселись.

— Мне в Биробиджан нужно съездить, Свет, по-быстрому, туда-обратно до вечера. Ты поедешь со мной? — синими глазами нашаривая ее серые, рукой — руку.

— Да, поеду.

Зазвонил телефон:

— Ты где? — кричала подруга. — Я уже заказала тебе, жду.

— Я уехала.

— Что-о?

— Уехала. Пока.

Светлана прижала руку Максима к своему боку:

— Поехали.

Максим удивленно и весело глянул на нее и тронул рычаг другой, неудобной рукой. Вторую руку у Светланы не отбирал.

Они покатили, все дальше и дальше от работы, от дождя, от подруги, от города. Пили кофе в придорожном киоске, жевали чебуреки. Светлана откусывала от Максимова чебурека, а Максим у нее, потому что так было вкусней, а потом, смеясь и фыркая, запивали не из своих стаканчиков. И Светлана не лезла с поцелуями, ну не лезла — и все. Пусть пока так.

— Мне так хотелось быть красивой для тебя, Максим. А тебя не было, и я дела вот это все, — Светлана разгладила на коленях мелкую клетку серых брюк, пошевелила носами ботинок.

— Мне нравится, — хрипло сказал Максим и покраснел уж совсем скромницей. И на одном перегоне от одной далекой деревни до другой он сказал:

— Мне нужно сказать тебе очень важную вещь.

— Говори, — легкомысленно улыбнулась Светлана.

— Я на обратном пути тебе скажу. Потом. Хорошо?

— Нуу, хорошо, — Светлана немного подобралась. От таких разговоров не знаешь, чего и ждать. Признается в любви? Скажет, что женат? Откроется, что все-таки он — продажник, и предложит что-то для похудения?

— Смешной ты, Максим, — поддразнила его Светлана и погладила его по гладкой щеке. Щека пошла мурашками. — Зачем ты это сказал? Ты знаешь, как устроены женщины? Я теперь не успокоюсь, так и буду думать всю дорогу, что ты хочешь сказать.

— Я знаю, как устроены женщины, — мотнул он упрямой башкой. — Забудь пока.

— Я постараюсь, — Светлана милостиво улыбнулась. — Знаток женщин, понимаешь.

Хоть и отложились где-то мыслишка о предстоящем разговоре, поездка эта была самой лучшей в жизни Светланы. А может, именно потому, что какой-то таинственный разговор предстоял, стоял пред. Перед этим всем. И счастье мгновения было самым важным. Здесь и сейчас.

За рекой не было дождя, а было весеннее сумасшедшее солнце и неожиданное тепло. Приоткрыли окна и балдели от свежего ветра. Ветер делал то, что они не решались: растрепывал волосы, влажно целовал куда попало, ехидничал и наслаждался.

Электричество трещало между двумя людьми в машине. И давно уже Светлана отпустила руку Максима, потому что невозможно было держать и невозможно было смотреть друг на друга. И если бы не ветер, охлаждавший и несомненно суливший в будущем отменную простуду, их лица сгорели бы в адском пламени. И мука эта была приятной.

Крутанулись по Биробиджану. Максим оставил ее на часик в кофейне, отскочил куда-то по делам. Купили в дорогу почему-то колбасы, которую нечем было разрезать. Пофотались, дурачась как дети, возле всех памятников, что увидели из окна, совершенно свободные, без опаски встретить кого-то из знакомых и попасться им на язык, и покатили обратно, закрыв окна, чтоб не делиться друг другом с обманчивым мартовским ветром. Теплились, пылали, бледнели, пунцовели, сгорали.

О чем они разговаривали в поездке, не смогла бы расшифровать ни одна разведка мира. Это был отъявленный бред, абракадабра, ничего не значащий набор отрывочных фраз. Но для них двоих он был полон смысла и говорил все об одном:

— Я люблю тебя.

— Я невыносимо люблю тебя.

- Я люблю тебя, и это больше меня.
- Я люблю тебя, и это сильнее меня.
- Я люблю тебя такой...

В любовном прозрении Светлана, кажется, догадалась, о чем ей скажут, и продолжала плавиться в тигле необъяснимого наваждения, не веря своей догадке. А предстоящее объяснение все близилось, близилось, росло перед ними стеной. Кирпичной. Каменной. До неба. И с размаху они врезались в нее.

Машина остановилась на обочине. На въезде в родной город. Светланины глаза отразили ужас неизбежного. И ей было сказано в наступившей тишине, прерываемой шуршанием проскакивающих мимо машин:

— Светлана, не знаю, как тебе это сказать.

— Скажи, — просипела она.

— В общем, я хочу сказать тебе правду.

— Говори, — шелестом тише травы.

— Я знаю, как устроены женщины, потому... — и скороговоркой: — Потому что я женщина, — и уронила, спрятала лицо в руки. Каштановая челка закрыла и лоб, и ладони.

— Ты ненормальный! — закричала страшным шепотом Светлана.

— Я ненормальная, — глухо из-под рук.

— Ты — дуррак!

— Я — дура, — покаянно, еще ниже опуская голову и поднимая плечи так, словно в них можно спрятаться.

— Где?? Где тут у тебя двери??? Выпусти!!! Я выйду! Я пойду!

Синие глаза испуганно вынырнули из ладошек:

— Куда ты пойдешь? Тут трасса. Я доведу. До дома. До остановки. Куда скажешь.

— Нет, — Светлана выплывала слова, смотрела дико, как на ядовитую змею. — Выпусти! Где ручка?

И это было бы очень картинно: выскочить посреди трассы и ловить другую машину, а Светлана терпеть не могла картинности.

— Я доведу тебя до города.

Светлана молча кивнула. Лже-Максим тронул рычаг.

— Мне очень хочется оправдаться перед тобой. На самом деле этому нет оправдания. И это будет как в кино: сказать, что я тебя люблю, и это все оправдывает. Но как это еще сказать, если так и есть. И мне самой это и в голову бы раньше не пришло.

Светлана смотрела в боковое стекло и, казалось, отрешилась настолько, что ничего не слышала.

— Можно я хоть скажу, как меня по-настоящему зовут?

Светлана ожесточенно покачала головой, закусилась пляшущую нижнюю губу, отпустила, прошипела трясущимся голосом:

— Больше всего мне хотелось бы тебе надавать по морде. Если бы ты была мужиком, так бы и сделала.

— Сделай, — облегченно засмеялась женщина за рулем. — Ты не представляешь, насколько бы мне стало легче.

— Не дождешься! — злобно просвистела Светлана и снова уставилась в окно. Потом порылась в карманах, в сумочке, и нехотя попросила: — Дай платок.

Женщина с готовностью вытащила из кармана квадратный клетчатый платок. Светлана схватила его, ткнула в него носом, и от него так знакомо неожиданно запахло Максимом, что Светлана не выдержала напряжения и зарыдала, стискивая зубами платок:

— Зачем? Зачем ты это сделала? За что?

Мокрыми злыми глазами поверх платка смотрела она на лже-Максима. Как она могла ошибиться? Боги, как? Решительно ничего мужского не было в водительнице. Губы у нее тряслись не меньше, чем у Светланы. Она съехала на обочину, остановила машину, потому что руки колотились так, что машина начала выписывать вензеля.

— По-пожалуйста, успокойся, Света, Светочка, — она попыталась погладить Светлану по голове, но та ожесточенно отбросила руку:

— Убери свои руки, извращенка! Что ты привязалась ко мне?

— Светочка, Светик, пожалуйста, хоть убей меня, я виновата. Только не плачь. Я объясню, пожалуйста, — каштановая челка упала на лоб, куртка сторбилась на спине. Синие глаза спрятались в тонкие пальцы со знакомым серебряным перстнем. — Вряд ли лучше станет.

И чем больше волновалась женщина, чем сильнее дрожал ее голос и пальцы, тем спокойней становилась Светлана. С каким-то даже любопытством посматривала она на женщину, и, в общем-то, стало ее немного жаль: очень искренно она переживала.

— Меня зовут Ольга.

— Очень приятно, — иронически кивнула Светлана. — Приятно познакомиться.

— Спасибо, — пробормотала Ольга, по-видимому не осознавая, что говорит. — Ну, в общем, я занималась проектом, гендерная психология. Это знаешь, психология полов...

— Знаю, — перебила Светлана. — Грамотная.

— Да, ты умница... — вздохнула Ольга. — Вот, а в этой теории в каждом из нас есть что-то женское и что-то мужское. Во всех, без исключения. Даже в самых женственных женщинах, понимаешь?

— Ну ясен-пень, понимаю, и что?

— Я решила просканировать свои чувства в обеих ипостасях. Это эксперимент надо мной был, не над другими. А чувства лучше всего проявляются там, где предел, на вершине, во влюбленности. Я познакомилась с мужчиной. Предупредила мужа, что ничего такого, эксперимент...

— Зашибись! — крикнула Светлана. — И муж имеется? И кто у нас муж?

— Максим, — сверкнула на Светлану глазами и опустила их Ольга.

Светлана воздела руки:

— Ну что, слов нет. Дальше!

— Что дальше? Влюбилась, описала чувства как врач, ничего личного.

— А в мужа ты не могла влюбиться, странно как-то? — осуждающе, как бабка на скамейке, спросила Светлана.

— Да мы с Максимом сто лет женаты, со студенчества. А мне надо было яркие, первые чувства схватить.

— Первоцвет. Замечательно. Тебе сколько лет, экспериментатор? — Светлана упорно избегала называть визави по имени.

— Двадцать семь.

— Малолетка, — с чувством произнесла Светлана. — Ну давай теперь про меня. Хотя стой, сама расскажу: выбрала потому, что возраст у меня такой, — безжалостно к себе пропела: — «...О, возраст полный грез. О жажда ради бога любить еще немного и целовать до слез, ах, ах...», — голос сорвался, Светлана закашлялась, прижимая руку к горлу.

Ольга испуганно зыркнула на нее, кивнула:

— Да.

Не поднимая головы, продолжила:

— Несколько дней мы должны были встречаться, поцеловаться, зайти максимально...

— Хм, максимально, какая игра слов...

— ...максимально далеко, и я должна была исчезнуть...

— ...но что-то пошло не так, — каркнула хрипато Светлана. — Целоваться ты со мной никак! — избегла она родового окончания. — Противненько со мной целоваться-то, где уж со мной поцеловаться! С такой принцессой-то...

Тут Ольга вдруг метнулась, и не успела Светлана ни понять, ни уклониться, вlepилась ей в губы горячими, сухими, совсем не нежными, совсем не мед губами, и ее отбросило, как от поврежденной сети 220 вольт.

Запоздало Светлана толкнула по воздуху от груди руками, но Ольга уже, тяжело дыша, откинулась на водительском сиденье и смотрела в свое окно.

— Е...ый п...ц! — выматерилась Светлана, которая не употребляла мат даже мысленно.

Обе как-то внезапно успокоились.

— Поехали, — скомандовала Светлана.

Ольга послушно тронула машину.

Обе молчали.

Светлана отвернулась, сколько возможно, и прикрывала расплзающуюся улыбку квадратным платком. Улыбка ползла, ползла и стала шире платка. Вдруг ей захотелось посмотреть на Ольгу. Ольга почувствовала взгляд и тоже обернулась. Они поглядели друг другу в глаза и захохотали на весь салон. Не могли сдержаться: ржали, повизгивая, хрюкая, — похоже, у них случился приступ истерии:

— Ну ты дура, доложу я тебе, — хохотала Светлана. — Ну надо ж до такого додуматься.

— Ой, не могу, это ужас, вообще, Света, — Ольга бросила руль, попыталась закрыть лицо руками.

— Э-э, руль! — закричала Светлана.

Ольга опять съехала на обочину, упала головой на руль и смеялась, вздрагивая и всхлипывая. Светлана, напротив, откинулась назад и хлюпала в изнеможении:

— Боже, боже, ну две дуры, одна к одной, нарочно двух таких дур в кучу не соберешь.

Ольга колотилась плечами о руль и заехала головой в сигнал. Сигнал резко бикнул, и они очнулись. Ольга поднялась от руля, Светлана села прямо, вытирая слезы платком. Они серьезно посмотрели друг на друга. Как будто в первый раз. И Светлана медленно, вглядываясь, увидела, как проступают в Ольгином лице Максимовы черты. Как в «Красавице и чудовище» Белль сквозь черты незнакомого принца увидела любимые знакомые глаза, любимые знакомые губы и потянулась к ним.

— Знаешь, — прошептала Ольга, закрывая любимые знакомые глаза и оставляя Светлане только любимые знакомые губы, — в ощущениях любви нет никакой разницы, кого ты любишь: старого, молодого, мужчину, женщину. Так странно, никакой...

— Того мужчину ты еще... — Светлана хотела спросить: «любишь» и задохнулась, только молча поцеловала — теперь нежные, теперь мягкие, теперь мед — губы.

— Кого? — выдохнула, не выныривая, Ольга. — А, того. Не-ет. Я же говорю, там по работе.

— Ммм, по работе, я-асно, — протянула Светлана, отрываясь и приникая снова.

Потом вдруг застеснялись своих бесстыдных губ и сидели молча, занимаясь важными делами: Светлана складывала на десять раз платок, не получалось, рас-

кладывала и начинала сначала, Ольга крутила брелок от ключа зажигания. Крутила-крутила, потом завела двигатель.

Въехали в город. Светлана промолчала. Горели уже огни, был вечер. Ольга вела машину дальше. Мелькали улицы. Центр. Автобусная остановка. Светлана снова промолчала, засмотревшись в вечернее окно. Ольга вела машину дальше.

Машина мягко остановилась возле Светланиного подъезда. Тут Светлана словно очнулась, спокойно, чуть севшим голосом, спросила:

— Поднимешься?

Ольга качнула головой. Тоже сипловато, но твердо сказала:

— Нет.

— Ясно, ну давай тогда, пока.

— Пока.

Вскинули вверх, прощаясь, ладошки. Светлана пошла к подъезду. И тут же взвизгнули за спиной резко стартовавшие шины.

— Закончила свой проект, экспериментатор ты мой? Уже все, можно тебя трогать?

— Максимочка, мой хороший, любимый мой, иди сюда, обними меня. Крепче. Держи меня. Не отпускай. Пожалуйста. Никогда-никогда.

Светлана бодала черное холодное окно на кухне. Держала голову под краном в ванной. Стояла, охлаждая воспаленную голову, на балконе. Сжимала голову руками. Мычала от боли.

«Что это? С кем посоветоваться? Кому об этом сказать, с кем разделить? Сказать подруге? — Светлана зашлась от ужаса. — Как это можно вообще говорить. И даже если сказать, а она вдруг расскажет кому-нибудь еще? А она точно может. К кому кинуться? В какой книге искать ответ? Что со мной?»

Светлане почудилось, что она заразная, чумная, отверженная. Ей захотелось отмыться. Она снова пошла в ванную комнату, напенила всеми средствами, наполнила горячей водой ванну и мылась, мылась, скоблилась, пропарилась чуть не до костей. Вышла, села на кухне, переводя дух. Стало легче. Но через полчаса мысли опять наплыли, и в голове началась прежняя дикая карусель. Получалось, что об этом можно поговорить только с Ольгой. С ней одной. Выкричать ей в лицо: что ты со мной сделала? Это твоя вина! Это все ты!

Выплакать в плечо, что ничем не виновата. Принять, притихнуть. Помолчать вместе.

Никогда не видеть больше Ольгу! И знать, знать о себе это. Навсегда. То, о чем, кроме Ольги, никому не расскажешь.

Забывать, вырвать ее из души, мыслей, тела.

Светлана ткнула пальцем в кнопку «вкл» на компьютере и, дождавшись, когда он загрузится, решительно восстановила свой аккаунт на сайте знакомств. Тут же пришла смс.

— Максим, ты брешь когда-нибудь вообще?

— О-оля, я уже два раза в день бреюсь.

— Плохо, значит, брешь, колешься все время. И пахнешь чем?

— Чем?

— Откуда я знаю чем. Перец, лук, чеснок, что там?

— Ну не знаю. В столовке, как всегда.

— Ладно, Максим, я спать. Давай завтра уже.

Светлана помахала поднятой вверх ладошкой:

— Пока, Станислав. Нет, завтра не встретимся. И вообще больше не встретимся. Я уезжаю в другой город.

— Оля, ты не хочешь со мной поговорить?

— О чем?

— Ты какая-то не в себе последнее время. Как будто избегаешь меня. Давай поговорим. Прошу тебя.

— Да я не знаю. Нормально вроде все, Максим. Я, наверное, просто устала.

Светлана помахала поднятой вверх ладошкой:

— Пока, Сергей. Нет, завтра не могу. Послезавтра тоже не могу. Все, муж-моряк из дальнего рейса приходит...

— Нет, Ваня, нет...

— Пока, Антон...

— Нет.

— Нет.

Стоял строгий июнь, насытившийся и переваривший весенние безумства. Густое тепло пластом лежало на вечернем крыльце. Светлана Пална с портфельчиком, в очках, с подобранными волосами вышла с работы. С ней рядом — в очках, с бородкой, в темно-синем в мелкую полосочку костюме — вышел подтянутый спутник. Также с портфелем в руке.

— Эм-м, Светлана, за котлетами зайдем?

— Да можно, — скучно сказала Светлана Пална.

— А куда зайдем, здесь или в наш? — что-то еще спрашивал спутник, но Светлана вдруг остановилась и посмотрела как-то поверх головы говорившего. И словно напряженно прислушалась к чему-то, к струящемуся волнами летнему мареву.

— Что ты?

— Подожди! — отмахнулась она от него.

— Что подожди-то? Пошли, что стоим?

— Пошли? Иди!

— Светлана, что за разговор? Чего ты?

— Да тихо! — рявкнула она, совершенно непонятно почему разъярившись. — Ты хотел. Ты и иди. За котлетами!

— Ты чего?

— Иди. Иди уже. И я к тебе сегодня не пойду. И никаких больше нас. Все.

Привет.

— Ты ненормальная какая-то, — попятился спутник с крыльца.

— И я в другой город уезжаю, и муж-моряк возвращается сегодня, — торжественно выкрикнула Светлана в ошарашенные глаза спутника и, чтоб окончательно отрезать все пути, добавила потише: — И в постели ты никакой.

И, не слушая далее ничего, скатилась с крыльца, будто опаздывала, и чуть не бегом, спотыкаясь на каблуках, рванула по бульвару. Покрутила своим резко очерченным носом туда-сюда, попала на волну. Бросилась в трамвай. Закрутилась в толпе на вокзальной площади, взывла сквозь зубы, как ищейка, потерявшая след,

заметалась, в последний момент увидела цветастый сарафан, голую спину, чемодан на колесах, втягивающиеся в вокзальные двери, закричала отчаянно:

— Оля!!!

И успела.

Обернулась. Мотнулась набок каштановая челка, округлились синие глаза. Остановилась. Выпустила из рук ручку чемодана. Мгновенно затолкались, заругались на разные голоса, поднатужившись, выплюнули из дверей в сторону препятствие — хрупкую девушку Ольгу с неподъемным чемоданом. Прямо к Светлане.

— Уезжаешь? — спросила Светлана очевидное.

— Уезжаю, — ответила очевидное Ольга.

— Адрес дашь? — спокойно, чуть севшим голосом.

— Нет, — сипловато, но твердо.

— А вот теперь я не скажу пока, я скажу почему?

— Света, Светочка, — синие глаза беспокойно зашарили по Светланиному лицу, остановились на губах и дернулись в сторону. — Ты же знаешь, хорошая, какая у нас будет жизнь. Никакой не будет. Прятаться, врать, не вместе, не отдельно. Знаешь? Готова? Зачем тебе? Не дам. Просто проводи. Мне приятно будет.

В переполненном, со свисающими с полок ногами, вагоне пристроили Ольгины вещи, порадовались, переглянувшись, что в попутчиках скромная бабушка, взрослая тихая внучка и сразу улегшийся спать парень. Деревянно, под взглядами бабули обнялись, поцеловаться даже в щечку не посмели.

— От третьей платформы отправляется поезд...

На серой платформе как будто никого, кроме Светланы, не было, или ей так показалось. Бетонная серая платформа была потрясающе холодной, словно бы и не царил кругом жаркий июньский вечер. Сквозил вокзальный безнадежный ветер. А Ольга улыбалась из окна, махала, и надо было держать лицо. Замороженными пальцами Светлана сложила сердце, прижала к груди, к настоящему, вложила в него столько тепла, сколько у нее еще оставалась, и протянула к окну. Поезд тронулся, Светлана сделала несколько шагов, не догнать, Ольга в окне подхватила Светланино сердце, прижала к своему. Так и уехала.

Вагоны стучали, промелькивали все быстрее и быстрее, слились в полосу, вильнули и утянулись за горизонт. Кровавым солнцем отблеснули рельсы.

Ольга села к окну, загородилась от попутчиков книжкой, просто так, чтобы не видеть никого. Крепко-накрепко.

Шли минуты, они превращались в часы, в ночи, в дни, и снова в ночи. И Ольга верила, очень хотела верить, что однажды, когда ей настанет черед выходить, она спустится по вагонным крутым ступенькам на точно такую платформу. Будет лето, полное созревшего тепла, и на платформе ее будет ждать Светлана. И, усмехнувшись, скажет что-нибудь про дуру ненормальную. Будто бывают нормальные дуры. И тогда Ольга вернет ей сердце. Потому что куда она без сердца-то.